

Виктор Точинов
Ника Велимирова
Урочище смерти

Медиама СПб

Виктор Точинов
Урочище смерти

«Точинов Виктор»

2019

Точинов В. П.

Урочище смерти / В. П. Точинов — «Точинов Виктор», 2019

Века стерли из людской памяти его имя, но все еще грозен и страшен хозяин леса. Он спит, но сон его чуток, а кошмары разрывают тонкую ткань между миром живых и миром мертвых. Горе тем, кто рискнет вторгнуться в его владения: закружит, обманет, подчинит своей воле и затащит в Навь. Не поможет ни древний заговор, ни современное оружие. Аня едет в Ленинградскую область, чтобы найти пропавшего брата. Вырванная из привычной жизни она вынуждена противостоять силам, которых не понимает и боится. Найдет ли она дорогу сквозь скованную мороком чашу или сгинет в глуши? Ведь по лесу бродит жадное до человеческого мяса мертвое зверье, Хозяин ищет царицу Нави, а его ярость – ярость самой природы.

© Точинов В. П., 2019

© Точинов Виктор, 2019

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
Глава 1. Неспokoйный пассажир	9
Глава 2. Похороны эконом-класса	13
Глава 3. Кто, кто в теремочке живет?	16
Глава 4. Как кусаются мертвые	19
Глава 5. Рассвет всегда приходит	23
Часть вторая	25
Глава 1. Дороги живые и дороги мертвые	25
Глава 2. Труп шахтерского городка	30
Глава 3. Труп лесной деревушки	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Виктор Точинов, Ника Велимирова

Урочище смерти

Пролог

1077 год

Огромная береза была мертва – к исходу цветения ни единого листочка на ветвях не зеленело, словно безвинное дерево ужаснулось тем богомерзким делам, что под ним творились, и не захотело жить.

Вместо листьев ветви оказались усеяны разным. Висели черепа, птичьи и каких-то мелких лесных зверьков, и разноцветные тряпицы, и мелкие предметы обихода, иные ценные, – то нож, по виду хорошейковки, то зеркальце в медной оправе, как бы и не фряжское. Кое-где тускло поблескивали монеты. Но больше всего висело баклажек невеликого размера, самых разных: и глиняных, и берестяных, и кожаных, какие в ходу у здешней чуди.

– Срубим? – предложил один из дружинников, и добавил, показывая куда-то на верхние ветви: – Никак там гривна, да с камнями...

Полусотник Змитрок запретил, и приближаться к бесовскому дереву запретил тоже, – вязанки сухого хвороста метали к подножию березы издали, с нескольких шагов.

Добрались в здешнюю глухомань не без труда. И с потерями: сначала по видимости прочная земля раздалась под копытами передового коня и тот ухнул вместе со всадником в глубокую яму, где торчали заостренные колья. Покалеченную животину пришлось добить, а дружинному кмету попортило колом ногу, – в седле держался, но пешим идти не мог.

Невдолге strяслась другая беда, не заметили тонкую вощеную нить, растянутую вдоль земли, и сработал в кустах зверобойный самострел, – да только настрожена была та ловушка на людей, причем на конных: даже над лосем стрела прошла бы безвредно. Тяжелый четырехгранный наконечник глубоко впился в грудь дружиннику, пробив кольчугу, будто никчемную тряпицу, – и вскоре тот отошел, хрипя и булькая кровью.

А после и вовсе заблукали. Вроде и солнце светило, не давая сбиться с пути, а поди ж ты, – раз за разом выезжали на одно место. Среди дружинников были знающие и к такой напасти готовые. Подвесили на дерево за заднюю ногу прихваченного с собой козленка, а что дальше стало со скотинкой, бьющейся и истошно мекающей, Змитрок не стал смотреть, отъехал в сторону. Неправильно получается: мотаются по глухим углам Водской земли, искореняют таящуюся бесовщину, а сами... Да вот только молитва Николаю Чудотворцу, небесному заступнику странствующих, не помогала, если собьешься с пути, Змитрок проверял.

Козлик издох в мучениях не зря, больше не плутали.

Жильцы землянки, притаившейся под вековыми елями, видать, держались настороже, – не стали дожидаться дружинников, скрылись в лесу и не выходили. А случалось по-всякому: когда рушили бесовское капище, что таилось в лесу под Изборском, лесные насельники встали на защиту с дубинами да рогатинами, без крови не обошлось.

Здешних Змитрок искать не приказал, пусть их прячутся... Князь Глеб наказывал строго: за мечи братья лишь в крайности, земля безлюдеть не должна. Поглядят селяне, как горят их идолы, прежнюю силу утерьявшие, – поймут, что правда и сила за новой верой, истинной.

Но землянку, понятно, тоже надлежало спалить со всем скарбом. И березу, а первое всего – сруб, что стоял на четырех столбах невдалеке от нее. В таких срубах, знал Змитрок, лесовики держат зимой припасы, подвешивают туши добытого зверья. А изредка (о таком лишь слышал,

самолично узреть не довелось) водские чухонцы хоронят в срубах мертвецов, – особых, кого ни вода, ни земля не принимает, а бросить на поживу волкам и воронью тоже нельзя.

В здешнем срубе хранились не припасы. Был он глухой, без дверей, и ни единого окна, хоть бы и самого малого, бычьим пузырем затянутого, лишь отдушина под крышей. Дружинный отрок сунулся в прорубленный снизу лаз, факелом посветил, а после поведал: лежит там на лавке человек, лядащий, и росточку небольшого, вроде и не дышит, но на мертвеца не похож: ни следа трупного тления, а отросшие ногти и волоса чуть не половину сруба заполонили...

Сейчас тот отрок бился, связанный, и грыз стянувшие его ремни, – одержимость напала на него почти сразу, как довершил рассказ. Больше никого Змитрок к срубу не подпустил и сам подходить не стал.

...Полыхнуло жарко и весело. Иссохшая береза занялась быстро, из землянки вырвались языки огня, а после рухнула земляная кровля и наружу повалил густой дым. Сруб долго не поддавался, торчал из пламени, будто купина неопалимая, но все же и он полыхнул – и вот тогда-то они услышали голос Лесного хозяина, или Куси-юмалы, как зовет его чухна. Крик стоял такой, что хотелось заткнуть уши и бежать куда глаза глядят, но Змитрок упрямо застыл недвижно, глядел, не отрываясь, на пламя. Кричи не кричи, – кончилось твое время, и нет тебе места на православной земле. Крик слабел и доносился словно бы все из более дальнего места, после смолк.

Уезжать не спешили, подождали, пока прогорит дотла и исчезнут последние красные угольки.

Ну вот и все... Смоют дожди пепел, прорастет трава на пожарище, – и останется Еловый бог лишь в старушечьих сказках, каким никто, кроме самых малых ребятишек, не верит.

Внимательные взгляды наблюдали из чащи за уезжавшими дружинниками. Наблюдатели могли бы рассказать чужакам, что занимались те зряшным делом, что Хозяина так просто не извести, что здесь, среди живых, присутствует лишь малая его часть, – а сам он обитает в Нави, откуда и правит мертвыми...

...Минула седмица, и вторая, случались на них дожди, – но серый невесомый пепел не смыли. Напротив, стал он сам собой уплотняться, собираясь в кучу, все больше напоминающую очертания лежавшего человеческого тела. А рядом стучали топоры, обтесывая бревна для нового сруба.

Семьдесят лет спустя

– Гады ползучие, волки-псы летучие, подходите, ворожите, слово медное крепите...

В чаше раздавался вой, и завывало там не дикое лесное зверье, пусть опасное, но привычное.

Беяна сбилась с заговора, посмотрела по сторонам. Темень. Вытянутой руки не видно. Месяц и звезды скрылись за тучами. Хотя и в погожую ночь их свет едва прогонял мрак, веками собиравшийся под древними елями, помнящими еще Белянких прадедов.

Девка крепче сжала рукоятку костяного ножа, пытаясь вспомнить слова заговора. Но мысли путались, ускользали. Все тянуло ее оглянуться, посмотреть, что за спиной прячется. Мерещились вороватые шаги подкрадывавшегося зверя. Никак не удавалось поймать потерянную нить, а ведь останавливаться нельзя. Зло мигом почует слабинку, не успеешь и мамку кликнуть, как вынырнет из мглы скользкая образина и...

Что-то там было дальше про птиц, про пни, да дубы, но слова мешались, лезли одно на другое.

– Громовое колесо... камни градом побитые... кости оковами ииниевыми скованные.

В чаше скрипнула ветка.

Беяна вскрикнула, обернулась. Тени под елями ехидно помахали ей разодранными в лоскуты платками.

– Нет там никого, – сказала Беяна не то теням, не то самой себе.

– Кровь отворю, – пригрозила она этому «никому», стараясь унять бешено бившееся в груди сердце, добавила: – Себе.

Я те отворю!

Так и слышала в голове голос прабабки, учившей Ждану плести заговоры и дававшей по уху, стоило только Беянке заикнуться о том, что от руды слово крепче и сильнее.

– Не только тебе сила та послужит, но и Хозяину, – шамкала прабабка беззубым ртом, – а ему нельзя и крупинку давать, не только тебя погубит, но и землю сожрет, прадедов разбудит.

И все же Беяне полегчало от мысли, что если заговор не вспомнится, то можно кровь отворить, запечатать навьи двери. Там ума большого не надо, справится. Как говорится: была бы курочка, сготовит и дурочка.

И все же она попыталась нащупать потерянную нить.

Среди деревьев снова завывало, захохотало.

Враз позабылись клятвы, данные перед идолами, спрятанными в глухой чаще.

Беяна бросилась к срубам, стоявшему на четырех столбах возле корявой ели. Нож она засунула за пояс, готовая в любой миг достать и пустить в ход.

Сюда бы Ждану сейчас, сестрица старшая ничего не боялась и заговоры не забывала. Но не было больше Жданы, пять дней минуло, как нашли ее тело рядом со срубом. Отыскали ее поутру, на теле ни царапины, а сама холодная, чужая, только глазами, мутными и широко открытыми, во мрак смертный вглядывается. Так и не смежили ей веки, не дала себя ослепить сестрица, и в смерти на Чернобога с вызовом глядела.

Стоя у сруба, Беяна вглядывалась в темноту, пытаясь разобрать что там прячется среди деревьев. Прабабка говорила, что Хозяин мертвыми владеет, зубами железными их кости грызет. Беяна испугалась своей прежних мыслей, – а вдруг накликает и сейчас выйдет из леса Ждана, мертвая, холодная, мутными глазами своими на нее посмотрит?

Не ее это место, не Беянкино. Не ей ночами по чаще бродить, заговоры плести назначено было – Ждане. Не она с детства учила наизусть слова, оберегавшие мир от тьмы. А на смену Ждане Радимира росла, меньшая сестрица, в ней сила крепкая была, прабабка с гордостью улыбалась, глядя как та над узелками сидит, а днем обереги вяжет, сидя на пеньке, вон там дальше, у разбитой перуном ели, торчавшей сейчас в темном небе, как кол в тыне, ждущий вражьей головы. Но мала еще Радимира, не устоять ей ночью против силы, что спит в лесу.

Будто ей, Беяне, устоять?

Лес ожил под порывом ледяного ветра, принес запах дыма из родного очага. Застонала ель, зашуршала ветками.

Ледяные пальцы пробрались под рубаху, заставив кожу покрыться мурашками.

На миг показалось, что в темноте вспыхнули и погасли два рыжих огонька. Вроде глянул кто недобро. Беяна достала нож из-за пояса. Ладонь вспотела. Рука, сжавшая рукоятку дрожала, да нет, не только рука, вся она тряслась, как яблоня, с которой настырные мальчишки пытаются стрясти едва поспевшие плоды.

Нет Жданы, нет ни Радимиры, ни прабабки рядом. Ей стоять придется. В одиночку.

От теней, блуждавших под деревьями, отделилась одна. Беяна изготовилась, но тотчас же опустила нож. К ней приближался огромный пес.

Испугалась Седого, глупая. От облегчения к глазам подступили слезы. Пес подошел ближе, присел на задние лапы, лизнул руку, сжимающую рукоять ножа. Язык, ледяной и шершавый, скользнул по коже. Беяна потянулась потрепать пса по загривку, когда клыки впились ей в запястье. Хрустнула кость, руку пронзила острая боль. Беяна закричала, упала, задыхаясь, навзничь, приложилась о столб, подпиравший сруб, – снова хрустнуло, теперь в спине.

Пес сжал крепче челюсти, мотнул башкой, – и отхватил кисть, все еще сжимавшую нож. Беяна продолжала кричать, а пес теперь вгрызался ей в чрево, терзая и пастью, и когтистыми

лапами. После задрал морду, перепачканную кровью, черной в ночной мгле, глянул на жертву глазами, горящими огнем. Древнее зло смотрело на Беяну из этих глаз, – вовсе не дух пса-стража, но то, что спало в здешних лесах. Она хотела спросить: почему?! – но уже знала ответ.

Нельзя прерывать заговор.

Теряя сознание, уплывая куда-то по черной седой реке, Беяна из последних сил протянула уцелевшую руку к растерзанному животу, обмакнула ладонь в кровь и впиалась коченеющими пальцами в землю.

– Мертвым крепкий сон, – прошептала она за миг до того, как пес принялся жрать ее кишки.

Последнее, что она почувствовала, – как от ладони вниз убегает тепло, останавливая, усыпляя то, что готовилось вырваться из-под земли. И умерла с улыбкой: все же справилась, дурочка.

Часть первая Избушка в лесу

Глава 1. Неспokoйный пассажир

Таллинкой проехали спокойно и мирно, за Кингисеппом свернули на Гдовское шоссе, и на тридцать седьмом его километре хозяин машины начал подавать признаки жизни. Заворочался в багажнике, стал чем-то долбиться, – может кулаками или головой, но скорее нащупал монтировку или другой металлический инструмент.

Услышал хозяйское шевеление и поднял тревогу Пупс, он ехал на заднем сиденье, ближе всех к багажнику.

– Дал маху ты, Колюня, – укоризненно сказал Головач, выключив музыку и тоже услышав доносящиеся сзади звуки. – Стареешь, видать.

Колюня сделал виноватое лицо и пожал необъятными плечищами. Многословием он не отличался. Зато имел поставленный удар. Кулак размером с дыньку-колхозницу гарантированно обеспечивал клиенту несколько часов отключки. Рауш-наркоз, как называл это Головач, самый образованный в их маленькой компании (без малого три курса Политеха одолел перед зоной на вечернем, не хрен собачий, почти незаконченное высшее).

Осечек у Колюни не случалось. Ни тогда, в девяностые, когда Головач, Колюня и третий их компаньон, ныне покойный, впервые освоили доходный промысел. Ни теперь, когда отсидели, откинулись и вновь взялись за старое, пригласив на вакантное место новобранца Пупса.

Правда, в старые времена возить хозяев в багажнике не требовалось, хозяева спокойно себе лежали где-нибудь в укромном месте, в кустиках, когда их реквизируемые тачки стремительно наматывали километры. Но пока Колюня валил лес в Мордовии, а Головач шил верхонки в Забайкалье, технический прогресс не дремал, порадовав автовладельцев поганым изобретением под названием «иммобилайзер». Вернее, для владельцев изобретение до поры казалось полезным. Пока они, владельцы, не встречались с кулаком Колюни и не отправлялись в душный тесный багажник, вместо того чтобы спокойно отдыхать в кустиках, на свежем воздухе.

Проблему оклемавшегося хозяина надо было как-то решать, но поначалу Головач отнесся к ней наплевательски. Дескать, действуем по старому плану: до нужного поворота час езды, а там еще десять минут проселком – и приедем в давно присмотренное и подготовленное место, где и состоится душевный разговор. Багажный сиделец вылезет, расскажет, что надо (пинкоды обнаруженных в бумажнике карт, например), отдаст иммобилайзер, – и отправится с камнем на шее в бездонную болотную топь, к другим таким же лохам в компанию. И никакие водолазы, никакие аквалангисты никого и никогда в этой торфяно-илистой жиже не найдут.

Но сначала надо выбраться в Псковскую область. «Перехват», Головач знал точно, разворачивают лишь в пределах региона. Облюбованное болото находилось уже за административной границей.

– А если гайцы тормознут? – встревожено спросил Пупс. – Сразу стук услышат и все прорюхают...

Блатными словечками он щеголял, поднахватался (Головач же, напротив, старательно их исключал из лексикона), но опыта отсидок не имел. Даже в СИЗО ни разу не кантовался. И категорически не желал таким жизненным опытом обзаводиться.

– Седьмой раз едем, ни разу не тормознули, – отмахнулся Головач. – С чего бы вдруг? Но если что, не остановимся, пойдем в отрыв. Областные дэпээсники на «десятках» рассекают, быстро отстанут.

И впрямь, трасса 41К-005, в просторечии Гдовское шоссе, как нельзя лучше подходила для поездок с криминальным грузом. Асфальт неплохой, притопить можно от души, а движение слабое. Некому и некуда ехать. На первом участке, до Сланцев, – всего две деревушки на полсотни километров пути, среди сплошных лесов и болот. Сами Сланцы – с тех пор как позакрывали градообразующие сланцевые шахты, – превратились в натуральный город-призрак: ни работы, ни денег в райцентре не стало и народ разъехался кто куда. А упирается дорога, уже на Псковщине, в Гдов – город он, конечно, древний и славный, в летописях хрен знает сколько веков назад упомянутый, но сейчас дыра дырой, глухое захолустье даже по псковским меркам.

Короче, по дороге ездят мало. И ментам пастись на ней никакого интереса нет, они держатся поближе к трассам с плотным трафиком.

Пупс сам все это знал и выдвинул новый довод:

– А если у него воляна? Если сдуру шмалять в салон начнет?

Головач призадумался. Пленника толком не обыскивали, действовать надо было стремительно. Забрали барсетку, увидели: телефон, ключи от машины и бумажник в ней, – и запихнули обмякшее тело в багажник.

Конечно, на дворе не девяностые, когда на блатного при стволе или даже на бизнесмена с боевым шпалером напороться было легче легкого. Но и сейчас такую возможность нельзя сбрасывать со счетов. К тому же поди знай, чем он там стучит. Звук вроде металлический... Долбанет по стенке бензобака – искра, взрыв, групповая кремация и себе, и похитителям.

Осознав все перспективы, Головач немедленно сбросил скорость, начал вглядываться в темноту. Скомандовал Колюне:

– Направо посматривай. Какую-нибудь лесную дорожку нам сейчас надо...

Открывать багажник на обочине и там же выписывать пленнику добавку не стоило. Не так давно они обогнали пару машин, неровен час, те догонят, прокатят мимо в самый неподходящий момент. Не остановятся, кому нужны приключения на свою задницу, но чертов видеорегистратор зафиксирует то, что никому видеть не надо.

Как на грех, трасса тянулась по низменным, болотистым местам, когда пленник очухался. Высокая насыпь дороги, по бокам крутые откосы и ни единого съезда в сторону.

Так и ехали: Головач с Колюней зыркали по сторонам, хозяин машины долбил, Пупс нервничал и ерзал, опасаясь, что сейчас пуля пробьет мягкую обивку сиденья, а затем мягкое пупсово тельце...

Наконец насыпь стала понижаться, за обочинами вновь замелькали темные контуры елей.

– Эге, – скорее промычал, чем произнес Колюня.

Головач давно привык к манере подельника изъясняться невнятными междометьями: притормозил, пригляделся. Да, то что надо. Две едва заметные колеи уходят в лес. Грибники накатали, не иначе. Или сборщики клюквы, учитывая близость болота. До грибного сезона пара месяцев, до клюквенного еще дольше, так что никто туда даже днем не сунется, тем более сейчас, ночью.

Он направил «бэух» на съезд с дороги, от души надеясь, что местные грибники накатали свой проселок не на УАЗах и грузовиках, а использовали более цивилизный транспорт. А то съедет машина на брюхо и придется бросать, и всё, прощай, выгодный заказ. Нет чтоб такой казус с владельцем случился в прошлый раз, когда они перегоняли двухсотый «крузак». Ну да что уж теперь...

Пленник почувствовал изменившийся характер движения и затих. Сообразил, небось, что в его положении все перемены в судьбе могут быть только к худшему.

Грунтовка оказалась приличной. Даже брюхом нигде не царапнули о горбик между колеями. Но все же далеко от трассы Головач отъезжать не стал, кто знает, что там дальше. Остановился, погасил фары. Никто из проезжающих мимо теперь ничего не увидит. И даже остановившийся на обочине – отлить, например, – не увидит.

– Пошли, добавишь, – кивнул он Колюне. – Смотри, опять не сплошай.

– Угу.

Пупс, хотя его никто не приглашал, тоже выскользнул из салона. Этот обладатель пухлых розовых щек и невинного детского взора питал какую-то нездоровую страсть к допросам пленников, – к тем, последним, что происходили у болота. Порою разговоры сопровождались членовредительством, разные клиенты попадались. Пупс сам не участвовал, но пялился на такие зрелища не отрываясь, поначалу даже на видео заснять порывался, да кто ж ему разрешит.

Головач встал чуть в стороне, – вдруг балабол Пупс угадал и пленник действительно шамальнет, едва крышка багажника приподнимется? Лучше перебдеть...

Крышка плавно поднялась. Выстрел, как и следовало ожидать, не прозвучал. И вообще пленник затихарился и никак себя не проявлял, ни звуками, ни движениями. Не спешил воспользоваться долгожданной свободой. Ну, почти свободой.

Две тусклые лампочки на внутренней стороне крышки едва-едва подсвечивали нутро багажника. Головач аккуратно, бочком подошел, заглянул. Прокомментировал увиденное:

– Никак он опять от духоты сомлел...

Никакой уверенности в голосе не чувствовалось. А мгновением спустя Головач резким движением отпрянул в сторону. Пупс аж взвизгнул от неожиданности и присел на корточки, уверенный, что сейчас начнется пальба.

– Ты чо? – Колюня не испугался, не умел, но удивился, и, редкий случай, произнес от удивления что-то членораздельное сразу, без пережевывания вводных словечек.

– Крыса у него там... В угол вроде метнулась... – сказал Головач еще более неуверенно. – Или показалось... Может, это он ногой дернул...

Пупс поднялся на ноги. Возможно, он покраснел от смущения, он легко краснел по любому поводу, но в тусклом свете лампочек было не разглядеть.

Головач чертыхнулся про себя, вспомнив, что в сумке у него лежит нормальный фонарь, сунулся в салон, достал.

В ярком галогеновом свете никакой крысы они не увидели. Нормальный чистый багажник новой и ухоженной машины. Бывший ее владелец неподвижно лежал, как его уложили, на боку в позе эмбриона. Словно и не он только что колобродил и стучался.

– Достань его... И уложи обратно. – Головач сопроводил свои слова энергичным жестом – словно бил правым кулаком кого-то.

Колюня кивнул и склонился над багажником. Через секунду распрямился.

– Дык... он... это... – Слова с непривычки давались ему с трудом, не желали складываться во фразу.

– Что «это»? – Головач все меньше понимал происходящее и начал злиться.

– Дык холодный... вот... – Колюня облегченно выдохнул, довольный, что сумел наконец выразить мысль.

Головач оттолкнул его, сунулся сам в багажник, ухватил пленника за плечо – и с изумлением ощутил, что мышцы под слоями ткани твердые, как деревянные.

Трупное окоченение... А оно мгновенно не наступает, часа через два, самое малое, – значит, Колюня не оплошал. Наоборот, пересолил с силой удара, – как тогда, в девяносто восьмом, когда они присели. И в багажник загрузили уже труп. Подвариант, мало что меняющий: мужик в тот момент еще дышал, но очень быстро склеил ласты.

Но кто тогда, мать его, только что стучался в багажнике?!

Крыса? И куда подевалась? И откуда взялась, самое главное? В какой-нибудь ржавой вазовской колыхаге не удивит и выводок крыс, но в новенькой «бэхе» нет отверстий, через которые могут пролезть грызуны. Конструкцией не предусмотрены.

Головач вновь осветил и дотошно осмотрел багажник. Надеялся увидеть что-то, легко и просто объясняющее все непонятки. Ну, например, огнетушитель вылетел из крепления, болтался по багажнику, ударялся о стены и крышку... Версия хилая: не по лесным ухабам ехали, по ровной дороге, без резких ускорений и торможений, – но как-нибудь уж Головач заставил бы себя в нее поверить... Увы, огнетушитель стоял на своем законном месте, притянутый ремешком. И ничего другого, способного болтаться и издавать звуки, не видно...

Разозлившись окончательно, он начал вытаскивать мертвеца наружу, почти уверенный, что тот не мертв, что каким-то хитрым способом изобразил трупное окоченение.

Не получилось. Все мышцы были сведены посмертной судорогой, руки-ноги не гнулись, – растопырившийся бывший владелец ни в какую не желал покидать свою бывшую собственность.

– Дайкось, – сказал Колюня и потеснил Головача широченным плечом, примерился.

– Погоди... Пусть там полежит.

Головач, убедившись, что мертвый действительно мертв, призадумался: а что дальше? Поездка с криминальным трупом в багажнике не вдохновляла. Живой человек, пусть и похищенный, – совсем иная статья. А теперь рисуется сто пятая с букетом отягчающих: группой лиц, по предварительному сговору, из корыстных побуждений, а у двоих к тому же рецидив... Нельзя так рисковать.

Вроде и осталось всего ничего до места утилизации, полсотни километров от силы, но есть такая штука, как закон подлости... От трупа надо избавиться и катить налегке. Но бросать его возле самой дороги тоже не годится.

– Садитесь, поехали. – Головач захлопнул крышку багажника. – Отвезем поглубже в лес и оставим.

– Просто так? – встревожился Пупс. – На виду? Зарыть надо хотя бы...

– Ладощками копать собрался? Выберем кусты погуще и пусть волки хоронят.

Колюня в диспуте не участвовал. Ему было все равно.

Глава 2. Похороны эконом-класса

Отъехали еще примерно на километр в глубину леса, но подходящего места пока не нашли. «Бэха» ползла медленно и осторожно, на второй передаче. Дорога была приличная (для лесной дороги, разумеется), просто на удивление, словно ее специально накатывали для немецких машин с низенькой посадкой. Приличная, но узенькая, Головач сильно сомневался, что сумеет на ней развернуться, густо растущие ели подступали почти вплотную к колеям. Он надеялся найти пригодную для разворота полянку, мало удовольствия тащиться обратным ходом. Там, у полянки, заодно избавятся от тела. На найдется густого кустарника – кинут в подходящую яму, их в здешних лесах с избытком, всё изрыто древними оплывшими воронками да окопами. Кинут и забросают лапником. А о дальнейшем позаботятся если не волки, то какие-нибудь хорьки или кто тут еще водится...

Ехали молча. Головач рулил, внимательно поглядывал по сторонам, а сам не мог избавиться от мысли: кто же стучал в багажнике? Что за автобарабашка? Не могло же им всем троим причудиться...

Пупс сжался на заднем сиденье, обхватил себя руками за плечи, – словно всерьез замерзал, словно всеми силами пытался уменьшить площадь тела и теплоотдачу (именно так Головач и подумал, кое-какие познания с политехнических времен у него в голове застряли). Но спрашивать мнение розовощекого недоумка не хотелось, все равно ничего толкового не скажет.

Лишь Колюня беззаботно наладился подремать. Такой уж был человек, жил незатейливо, никогда не грузился лишними проблемами.

Елки расступились и Головач понял: вот оно, самое подходящее место.

Местность впереди резко понижалась, а лесная дорожка круто сворачивала влево, тянулась дальше по краю низины.

Может там, внизу, протекал ручей, или просто им попала котловина, впадина в ровном рельефе, – Головач не знал. Свет фар вниз не опустить и освещал он лишь лес на далеком противоположном склоне. Да и не к чему затевать исследования. Главное и так понятно: развернуться здесь можно, а чуть правее склон становится совсем крутым, натуральный обрыв, деревьям на нем не удержаться, весь порос низким кустарником, малинником или ежевичником... Идеальное место, чтобы пристроить труп.

Так и поступили.

Втроем не без труда выдернули тело из багажника, досконально опшмонали. Ничего интересного не нашли, обычная дребедень, что носят в карманах мужчины среднего возраста и достатка повыше среднего.

Мертвец лежал на спине, глаза открыты, зубы оскалены, мерзкое зрелище. Головач отвел луч фонаря в сторону, не на что тут любоваться.

Затем состоялись похороны – раскачали тело над обрывом и выпустили на счет «три!». Обошлись без надгробных слов, ненужная формальность. Головач посветил фонарем вниз, но смутно разглядел лишь кроны каких-то деревьев или кустов. Долетел до них мертвец или же застрял на склоне, в ежевичнике, не понять. Да и без разницы. Никто на эту крутизну не полезет ноги ломать... Дело сделано.

Разворачивая «бэху», Головач думал, что дальше никаких неприятностей ждать не приходится, лимит их выбран с запасом, с лихвой... Доберутся до Гдова, сдадут тачку родственнику Пупса, получат деньги, – и машина покатит в сторону прозрачной белорусской границы уже без них, а что с ней будет дальше, не колышет... Удачный рейс получился, хоть и не без проблем.

Эти благостные мысли стали ошибкой. Судьба не любит, когда кто-то радуется удачному делу до его завершения.

* * *

Для начала погасли фары. Головач дергал ручку, переключая с дальнего света на ближний, – все впустую. Вот вам и хваленое немецкое качество...

Судя по всему, сгорел предохранитель, и можно было бы поставить «жучок», но тыкаться вслепую, не зная схемы, – как раз до рассвета провозятся и острая нужда в фарах пропадет. В авторемонте все трое были «чайниками».

Вроде бы вполне логичная и понятная причина поломки, но Головачу вновь пришла дурацкая мысль: в «бэхе» обитает мелкая сущность, типа домового, только машинный... Если к нему с уважением – оставлять блюдечко молока (или машинного масла, учитывая специфику), то все будет тип-топ, никаких поломок в пути, проводи плановое ТО и катайся на здоровье. Ну а если разозлишь автомобильного жителя – беда, из автосервисов вылезать не будешь.

«Бред собачий», – вынес Головач приговор собственным мыслям.

Поехали с включенными «противотуманками». В их желтом рассеянном свете, стелящемся низенько, над самой дорогой, все казалось другим. Словно и не этими местами катили только что. Головач понимал умом, что дело в причудах освещения, но подсознание упрямо твердило: здесь они не проезжали.

У Пупса затрезвонил телефон. Резко, неожиданно, словно ножом по натянутым нервам. Головач аж дернулся, машина вильнула и едва-едва разминулась с росшей на обочине осинкой.

– Твою ж мать! – ругнулся он. – Почему не отключил?!

Отключать телефоны при таких вот поездках было железным правилом в их компании, – никто не должен отследить по локализации, куда они катаются. И опять раздолбай Пупс это правило нарушил, уже во второй раз.

– Да забыл я... Это Анька со вчера трезвонит, задолбала уже, – ответил Пупс так, словно Анькина настырность как-то его оправдывала, сбросил вызов и выключил трубку. – Пожар там у нее, что ли?

– Месячные пропали, – равнодушно предположил Головач.

– Ну и что я, Шерлок Холмс, чтобы их искать?

Колюня, выведенный звонком из дремотного состояния, заинтересованно повернулся к Пупсу.

– Ну так... это... к доктору ей тогда...

Чувство юмора у Колюни отсутствовало принципиально.

– А я ей что, доктор Ватсон? – тем же тоном ответил Пупс и придурочно хихикнул.

Головач промолчал и больше к теме не возвращался, но решил, что забывчивость Пупса обернется для того штрафом. Позже, при дележе выручки. Чтобы другой раз nepовадно было.

А потом они уперлись в развилку. Дорога раздваивалась на манер буквы Y, и машина сейчас стояла на ножке этой латинской литеры. Очевидно, на пути к низине проскочили ее, не заметив, приняли за легкий поворот дороги.

Вылезли, покурили, посоветовались. Подсвечивая фонарем, дотошно осмотрели обе дороги. Выглядели они одинаково, а протекторы «бэхи» на твердом грунте не отпечатались.

– Поедем наугад, – постановил Головач, раздраженно смял опустевшую сигаретную пачку, отбросил в сторону. – Если через два километра не выйдем на трассу, вернемся.

Свернул он направо. И ошибся. Стало это понятно задолго до того, как спидометр накрутил два километра. Похожая дорога, тоже ровная и укатанная, ни разу брюхом не цепанули, – но не та. На правильной не было таких крутых поворотов в таком количестве.

Осознали ошибку быстро, да исправить не получалось. Не развернуться. В паре мест, наверное, можно было попытаться и втиснуться машиной между елей, растущих не столь

плотно, но Головач не стал экспериментировать. Жесткие ветви живо обдерут полировку, а Пупсову родственнику интересны тачки лишь в идеальном состоянии.

Отмотали без малого семь километров, когда наконец появилась возможность, – да вот нужда в развороте отпала: дорога описала петлю и они оказались у того самого склона с обрывом, только подъехали к нему с другой стороны.

Или не у того? У похожего? Чертовы «противотуманки» светили слишком низко, окрестные деревья не видны, а мох с брусничником везде одинаковы.

Снова вылезли, исследовали местность. Все в порядке, то самое место, – кусты ежевики у обрыва, где раскачивали мертвеца, примяты и поломаны...

Тем временем безлунная ночь окончательно превратилась в лунную. Ночное светило во время «похорон» выглядывало из-за туч изредка, урывками, словно любопытствуя исподтишка: кого это здесь в овраг налаживают? Сейчас небо окончательно расчистилось и чуть ущербный лунный диск светил без перебоев.

Вскоре «бэха» вновь стояла все у той же Y-образной развилки, даже свою смятую пачку Головач разглядел неподалеку от колеи. Вроде бы осталось самое простое: свернуть налево и покинуть наконец проклятый лес, где не пойми кто накатал idiotские петляющие дороги. На трассу – и газануть, отыгрывая потерянное время. Но отчего-то он медлил. Казалось, что самое простое и правильное решение окажется ошибочным. Что верным будет другое, инстинктивное, глупое, ничем не мотивированное: плюнуть на заказ, бросить машину прямо здесь, пешком выбраться на трассу, – и домой автостопом.

Головач мысленно обматерил расшалившиеся инстинкты и тронул «бэху» с места.

Глава 3. Кто, кто в теремочке живет?

Спидометр показал, что от развилки они отъехали два километра, и начал отматывать третий. Трасса не появилась.

Над приборным щитком «бэхи» торчал экранчик картплоттера, но признаков жизни не подавал. Либо прибор оказался неисправен, либо Головач попросту не смог его включить – за годы, проведенные на зоне, он сильно отстал в области технических новинок. В планшете Пупса навигационное приложение не было установлено. Головач не расстраивался по этому поводу: ну увидят они, что находятся в лесу в нескольких километрах от трассы... А толку-то? Это и без того известно. На карты, закачанные в навигаторы, здешние лесные стежки-дорожки никто не наносил.

Головач вообще отнесся к тому факту, что они вновь заплутали, с ледяным спокойствием. Ну, заблудились. Ну, леший кружит. Сговорился с автобарабашкой и кружит. Случается... Появилось даже вялое любопытство: куда они сейчас вырулят? К той же развилке? Или к тому же обрыву? Почему-то казалось, что они всю ночь обречены тут кружиться, и лишь с рассветом увидят правильную дорогу, которую раз за разом проскакивают в темноте, не замечают в неверном свете «противотуманок».

Можно бы остановиться и поспать, но Головач не думал, что это хорошая идея. После истории с фарами стало ясно: машина с причудами, заглушишь двигатель, – не факт, что снова заведется. А уж спать в «бэхе», где только что умирал ее владелец... спасибо, не в этой жизни. Поездят, покружат, бензина хватает.

Головач был спокоен (хотя некая малая его часть сама удивлялась такому безразличию), зато Пупс слегка поскандалил. Спидометр со своего места он не видел, но вскоре сообразил: слишком долго едут, вновь свернули не туда.

– Опять в хреноту какую-то завез!? Зазимовать тут решил?!

– Не истери, – равнодушно ответил Головач. – Хочешь за руль? Садись.

Пупс за руль не хотел. У него имелось другое желание: чтобы его, Пупса, немедленно вывезли из этого мерзкого мрачного леса в более цивилизные места, для начала на Гдовскую трассу.

– Опаньки... – сказал Головач. – Приехали.

Они и в самом деле приехали, но не на Гдовскую трассу, разумеется. Дорога закончилась небольшой и хорошо накатанной площадкой, лишенной какой-либо растительности. Дальше, насколько смог разглядеть Головач в свете «противотуманок», вела тропа, тянувшаяся в том же направлении. А там, куда она тянулась, виднелся сквозь сплетение ветвей слабый свет...

Кто-то здесь жил. Или коротал ночь у костра. Охотники? Надо сходить, разобраться, спросить дорогу...

«Не надо никуда ходить, – произнес в мозгу Головача незнакомый уверенный голос. – Разворачивайся и бей по газам».

Он, опять же мысленно, послал подальше незваного советчика и растолкал Колюню. Тот поначалу не понял, где они и что от него хотят, но быстро въехал в тему. Вооружился тридцатидюймовой бейсбольной битой, найденной под водительским сиденьем. Хотя он и без биты стоил в драке троих, но с увесистой дубинкой в руке мог разобраться и с полудюжиной противников.

– Здесь останешься, за тачкой приглядишь, – негромко скомандовал Головач Пупсу.

Тому очень не хотелось оставаться в одиночестве. Хотя и тащиться с подельниками по ночному лесу в гости к непонятным людям не хотелось тоже. Пупс мялся и колебался.

– Запрись изнутри, – так же тихо сказал Головач. – Если что, дави клаксон. Мы рядом.

Он прикинул, что до источника света метров двести. Максимум триста, если там горит большой костер.

Пупс неохотно кивнул, уселся на водительское место. Замки «бэхи» щелкнули – вроде и слабый звук, но прозвучал в ночной тишине на всю округу.

* * *

С определением расстояния Головач дал маху. К источнику света они вышли буквально через сотню шагов, просто оказался он маленьким и слабым.

На подходе, издалека и в свете фонаря, конструкция напомнила скворечник с двускатной крышей, укрепленный на жерди высотой с человеческий рост. Но вблизи стало видно, что пропорции чуть иные, а передняя стенка, где полагается быть летку, заменена стеклом.

Внутри трепетал огонек свечного огарка. Наверное, в давние времена такие сооружения делали для икон, которые отчего-то надо было разместить не в церкви или часовне, а вот так, под открытым небом... Но здесь и сейчас под стекло вставили не икону.

Оцепенев, Головач глядел на портрет с черным уголком траурной ленты и двумя датами внизу (правая – сегодняшняя). Имени и фамилии под портретом не было, но Головач их знал, правда, успел позабыть. Короче говоря, на них устался мертвый владелец «бэхи», валявшийся сейчас под обрывом.

Головач застыл, но мысли в голове мелькали стремительно.

Как?! Как кто-то мог успеть?! Допустим, у импровизированных похорон оказался случайный свидетель. Более чем маловероятно, но допустим. Откуда тот свидетель мог узнать, кого хоронят? Где раздобыл портрет? Когда успел оформить дебильную инсталляцию?

Можно допустить и другое: покойника очень быстро хватились те, кто хорошо его знают и портрет могут раздобыть без труда. Но каким чудом их занесло сюда, в лесную глушь, где и троица-то похитителей оказалась достаточно случайно?

Или все дело в машине? Какой-нибудь маячок, новый и хитрый, не обнаруженный сканером? Но знать местоположение угнанной «бэхи» – это одно, а успеть сюда раньше и все подготовить... нет, не срастается. И все же в мысли о маячке зерно истины было. Но додумать ее до конца Головач не успел.

Колюня, портретом ни в малейшей мере не впечатленный, ткнул локтем в бок и спросил: – Ну... дык... эта... идем, что ли? – и показал битой куда-то в сторону.

Головач понял, что соратник не опознал покойника. Да и не мог опознать – бил сзади, по затылку, трофейные документы не рассматривал, а во время похорон оскаленная рожа трупа мало напоминала благообразное лицо на портрете.

Он ничего не сказал Колюне, все равно толкового не присоветует. Посветил фонарем по направлению указующего жеста и увидел приземистое бревенчатое здание: невысокое крылечко-приступочка, два небольших застекленных оконца, изнутри не освещенные.

Избушка оказалась буквально-таки втиснута между толстыми елями, чуть ли не вплотную, – нижние их сучья были обрублены, а те, что повыше, смыкались над крышей. Вокруг подковой изогнулась ограда из толстых заостренных кольев, вертикально вкопанных в землю, – была она явно декоративной, для красоты, поскольку на разомкнутой части никаких ворот не имелось.

Наклонно стоящая палка подпирала дверь снаружи, и на дверном полотне белело пятно правильной прямоугольной формы.

– Пошли, – скомандовал Головач, оценив диспозицию. – Если что, бей сразу.

Люди, поставившие портрет и запалившие свечу, вполне могли быть там, в избушке – прислонить к двери снаружи палку и вернуться через окно дело недолгое. Головач имел к ним пару вопросов, но сомневался, что беседа получится мирной. И пожалел, что зарекался носить

шпалер. «Макарыч», с которым он ходил в девяностые, – переделанный на заводе из боевого в газовый, а затем, народными умельцами, обратно в боевой, – очень бы сейчас пригодился.

Колюня хмыкнул, кивнул и бестрепетно пошагал к избушке. Он издавна привык, что при любых разборках напарник выпускает его вперед.

* * *

Лист был распечатан на принтере очень крупным шрифтом, вставлен в прозрачный файл и прикреплен к двери скотчем. Текст гласил:

«Тем, кто сумел сюда добраться!

Дверь не заперта, ломать не надо. Если есть нужда, заходите, располагайтесь, пользуйтесь всем, что найдете. Но не злоупотребляйте гостеприимством. Здесь стоит пара камер, набезобразничаете – найдем и накажем».

Подписи под текстом не было, но и без того всё понятно.

Ленинградская область очень сильно отличается от Московской, хоть и та, и другая окружают мегаполисы. В Ленобласти плотность населения в семь раз ниже, к тому же сосредоточено то население в основном в районах центральных, примыкающих к Питеру, да еще в деревнях, расположенных вдоль главных магистралей. А чуть в сторону – натуральная Сибирь, сплошные леса да болота с редкими-редкими поселениями. Как здесь примерно.

И встречаются в глухих углах области строения, возведенные без разрешений, согласований и другой бюрократической волокиты. Строят их браконьеры, «черные копатели» и прочий люд, чьи дела не терпят чужого внимания. По слухам, в последнее время такие незаконные постройки стали выслеживать с помощью дронов, барражирующих над лесами, – а потом ловят владельцев и припаивают им неслабые штрафы: за незаконную порубку леса, за незаконное строительство, за то, за сё...

Этих пока не поймали. Недаром их хибара так втиснута под деревья, ни один дрон не засечет.

История с найденной избушкой прояснилась... Да вот только портрет со свечкой никак в ту историю не вписывался.

– Ну дык... эта... да? – кивнул на дверь Колюня, тоже прочитавший текст на листке.

Он убрал наклонно стоявшую палку. Дверь, чуть скрипнув, подалась на них. Немного, на пяток сантиметров. Наверное, была подвешена на петлях несколько кривовато. Или ее тихо-нечно подтолкнули изнутри, приглашая.

Интуиция Головача вопила уже во весь голос: не смей входить! Добром не закончится!

На этот раз он прислушался к внутреннему голосу. Случайности, что привели их сюда – затейливо сцеплявшиеся, накладывавшиеся одна на другую – казались случайностями все меньше. Хватит соваться в открывающиеся двери тупо, словно бараны. Не то окажутся в раздельном цеху...

Колюня смотрел вопросительно то на дверь, то на напарника. Головач поднес палец к губам, покачал головой, затем изобразил двумя пальцами, будто перебирает ногами в сторону оставленной машины.

Далеко не ушли. Едва спустились с крылечка, услышали: кто-то шумно несется по лесу в их сторону. Колюня перехватил битую поудобнее и встал в позе бейсболиста, ожидающего подачу. В руке Головача щелкнул нож-выкидуха.

Глава 4. Как кусаются мертвые

И нож, и бита не потребовались – к избушке подбежал Пупс. Взбудоражен, шевелюра растрепана... И с ходу порадовал: никуда они отсюда не уедут. Откатались.

Выяснилось, что в одиночестве Пупс быстро заскучал и решил немного побаловать себя музоном. Повернул ключ зажигания, чтобы включить энергосистему и не в темноте разбираться с настройками музыкального центра. Но та не включилась – датчики на панели не осветились, «противотуманки» и габаритные огни не зажглись. Попытка прокрутить стартер ни к чему не привела. Аккумулятор необъяснимым образом за считанные минуты разрядился под ноль. Но и это не всё... Пока Пупс размышлял, бежать к соратникам с паршивой новостью или дожидаться их возвращения, – музыкальный центр включился! Сам! Без питания! Но зазвучали отнюдь не бодрые шлягеры «Радио-Шансон», развлекавшие их на трассе.

– Вроде как Шопен... Или кто еще, кого для жмуров лабают. Не музон, а дерьмо, словно кишки помаленьку через жопу вытягивают...

Бессистемное нажатие на кнопки центра мерзкую музыку не остановило. Пупс не выдержал, – и вот он здесь.

– А у вас тут что? – спросил он, заметно приободрившись в компании.

Вместо ответа Головач осветил фонарем послание на двери, – и, пока Пупс его изучал, размышлял: а что от них сейчас ждут? Что зайдут в избушку? Или что отправятся к машине и станут заводить «с толкача»? Надо, обязательно надо сделать что-то неожиданное, непредсказуемое. Да вот только попробуй придумать неожиданный ход, когда вся игровая доска – три или четыре клетки.

– Ширево варганят, факт, – безапелляционно заявил Пупс, причем нотки волнения окончательно исчезли из его голоса. – Не тут, а то бы в хату не звали... Землянка где-то рядом или сараюшка, с замками, при всех делах.

Свои слова он сопроводил жестом, махнув в сторону заднего фасада избушки, – показал местоположение гипотетической землянки или сараюшки. И тотчас же, словно в ответ, оттуда, с задов огороженной кольями территории, донесся звук.

Природу его Головач не опознал. Не смог бы даже сказать с уверенностью, принадлежит ли звук живому существу или нет. Нечто вроде бульканья пополам с чавканьем – больше всего они походили на звучание вантуза, с силой прижатого к отверстию засорившегося стока. Но лишь походили, сходство было относительное.

– Ч-что это? – В голосе Пупса вновь зазвучала тревога, он вообще легко впадал в панику и столь же легко из нее выходил.

Головач вопрос проигнорировал, а Колюня неожиданно, впервые за эту ночь, проявил инициативу. Занес биту над головой и решительно пошагал вокруг избушки. Подельники поневоле двинулись следом, – что бы там ни звучало, проверять лучше втроем, не разделяясь.

– Хренасе... – произнес Пупс. – Муляжи, небось? Точно... Больно чистые и белые.

Колья ограды здесь украшали черепа. Человеческие. Семь штук, зачем-то сосчитал Головач. И он сильно сомневался, что это муляжи. Черный юмор «черных копателей», – попытался сам себе объяснить увиденное. Забирают в ходе раскопок не только старое оружие и детали амуниции, но и черепа бывших владельцев, – и сюда, на колья.

Объяснение было логичным и здравым, но Головач в него не поверил.

Колюня на черепушки не отвлекался, – не опуская биту, пялился по сторонам, пытаясь высмотреть в лунном свете источник звука. А Пупс уверился в своей версии о пластиковых муляжах и заявил:

– Один домой возьму. Свечку сверху прилеплю, клево будет.

Он привстал на цыпочки, попытался дотянуться до черепа. Роста чуть-чуть не хватило, Пупс легонько подпрыгнул, зацепил-таки пальцами нижнюю челюсть, – и вдруг пронзительно завопил.

* * *

Картина отдавала сюрреализмом – Пупс отчаянно лупил по земле белым шаром, ни в какую не желавшим отлипнуть от его пальцев. Саунд-трек соответствовал: бессвязные матюки перемежались со стонами, более напоминавшими вой попавшего в капкан зверя.

Головач понимал, что мышц на костях не осталось и кусаться черепа не способны, что Пупс сам каждым ударом о землю заставляет сильнее сжиматься зубы, что всего-то надо успокоиться и потянуть нижнюю челюсть, тогда пальцы легко освободятся из плена. Понимал – но втолковать поделнику не сумел, того заклинило. Пришлось успокаивать оплеухой, легонько, раскрытой ладонью. Подействовало, и Головач наконец смог разжать костяную ловушку.

За всей этой возней оба не обратили внимания, как Колюня кое-что все-таки высмотрел и решительно пошагал в темноту. Спихватились и заметили его отсутствие лишь когда снова прозвучал «вантуз», теперь гораздо громче, – не иначе как его резиновая присоска была размером с бочонок.

Луч фонаря заволокло метался по сторонам и вскоре зацепил еще одно строение, Пупс не ошибся насчет его наличия. Не землянка и не сарай, – квадратный бревенчатый сруб, поднятый над землей. Небольшой, метра два на два. Ни окон, ни дверей на тех двух сторонах сруба, что были обращены в их сторону, не виделось. Натуральная избушка на курьих ножках – четыре угла опирались на толстые столбы необычной формы, словно составленные каждый из двух направленных вниз конусов.

На деле ног было шесть, – еще две, в знакомых джинсах и кроссовках, принадлежали Колюне.

Очевидно, единственным входом в сруб оказался люк в полу, на метровой высоте. И Колюня, чувством страха обделенный напрочь, туда сунулся.

* * *

С Колюней происходило странное. Его было трудно чем-то удивить, ему ничто никогда не казалось невероятным или невозможным, – если он, Колюня, что-то видит, слышит, щупает, значит это «что-то» существует. Точка, вопрос закрыт.

Но сейчас малоразвитое воображение Колюни спасовало и отказывалось признавать происходившее за реальность, он заподозрил, что так и дремлет в катящей «бехе», а домик и все остальное ему приснилось.

Он действительно сунулся под сруб и сразу же нащупал квадратный лаз, прикрытый фанеркой, она легко подалась вверх. Широкие плечи Колюни едва протиснулись в люк, но все же протиснулись.

Внутри было темно. И не так, как в ночном лесу, где кое-что все же можно разглядеть, – непроглядная крошечная мгла.

Колюня решил подсветить зажигалкой, но для начала протянул вперед руку – и почти сразу она нащупала что-то мягкое и волокнистое... Шерсть? Колюня пощупал в одном месте, в другом, – и понял, что эта как бы шерсть перемешана с чем-то другим, более жестким и колючим. С трудом развернулся в лазе, пощупал с другой стороны и обнаружил то же самое. Пускаться в ход зажигалку расхотелось, непонятные волокна могли вспыхнуть.

Найденное Колюню не удивило. Ну набил кто-то сруб овечьей или козьей шерстью, перемешав ее, допустим, с железными стружками, – значит, так этому кому-то было надо. А зачем и для чего – ему, Колюне, глубоко фиолетово.

И едва он так подумал, произошло то самое, странное, заставившее считать, что сон в машине продолжается.

Колюня каким-то неведомым образом раздвоился. Он чувствовал, что по-прежнему стоит, наполовину просунувшись в сруб, ощущал пальцами «шерсть», – и одновременно находился в каком-то другом месте.

Там было светло, примерно как пасмурным днем. Но Колюня откуда-то знал, что нет тут ни дней, ни ночей, ни рассветов, ни закатов, – всегда так серо и уныло. Как пришло это знание, он не понимал и не задумывался о том.

Солнце здесь не светило. Но все предметы тем не менее отбрасывали тени, резкие, черные. Впрочем, предметы в этом непонятном месте не изобиловали. Пейзаж ровный, пустынный, утыканный крохотными холмиками. Под ногами единственный вид растительности – серый лишайник, и казался он мертвым, давно погибшим.

Лишайник густо усыпали сосновые шишки, – старые, иссохшие, потерявшие семена – но ни единой сосны не было в пределах видимости, а она ограничивалась сотней метров, едва ли более, дальше все сливалось в сероватой туманной дымке.

Другие деревья здесь тоже не росли, кроме одного – огромного, раскидистого, стоявшего в отдалении и смутно видимого. Колюня пошел к нему, толком не понимая, зачем идет.

Шагалось как-то не так... Он опустил взгляд и увидел свои голые волосатые ноги. Ни обуви, ни одежды на нем не осталось. Вернее, не на нем, а на этой его половине, при том, что Колюня в буквальном смысле кожей ощущал, что все его шмотки на теле, а кроссовки на ногах. И одновременно шишки чувствительно кололи босые ступни. Точно сон, в жизни так не бывает.

Дерево оказалось старой березой, тоже мертвой, как и все здесь. Ветви ее клонились к земле, увешанные рукотворными «плодами». Бутылки из темного стекла, судя по форме, из-под игристых и шампанских вин, и были их сотни, если не тысячи. Ни единой этикетки Колюня не разглядел, однако пробки все были на месте, – не закреплены проволокой, не замотаны фольгой, как полагается, просто вколочены в горлышки.

Такое зрелище и наяву не удивило бы Колюню: ну развесил кто-то и зачем-то бутылки, ничего интересного. А во сне вообще глупо чему-то удивляться.

Он стоял в десятке шагов от березы, без любопытства на нее пялился и размышлял, как бы половчее проснуться. Сон Колюне не нравился. Скучный. Ничего не происходит и заняться нечем.

И тут он почувствовал, что кто-то его разглядывает. Пялится в спину. Обернулся – никого, но ощущение чужого взгляда не исчезло, кто-то глазел из ниоткуда, из пустоты.

За спиной раздался резкий хлопок. Колюня прыжком развернулся и увидел, что пробка из одной из ближних бутылок исчезла, над горлышком вьется легкий белесый дымок, – словно и впрямь сейчас хлынет пенная струя вина.

Вино не хлынуло. Вместо того хлопнула еще одна бутылка, затем еще, затем хлопки слились с сплошную канонаду, вылетевшие пробки сыпались вокруг Колюни.

«Пальба» длилась недолго и вскоре начала стихать. В салюте поучаствовали далеко не все бутылки, меньшая часть, несколько десятков, наверное.

Колюня даже слегка обрадовался, что в его скучном сне начало хоть что-то происходить, и решил подойти к дереву, проверить, что налито в стеклотару, не могут же пробки вылетать сами по себе...

Не успел, почувствовал под ногами какое-то шевеление. Он стоял на крохотном холмике, и по тому словно бы пробегали легкие судороги, для глаза едва заметные, но хорошо ощутимые

ногами. Колюня присмотрелся – повсюду вокруг происходило такое же чуть заметное шевеление.

Затем, как по сигналу, непонятный процесс резко ускорился. Холмик содрогнулся (Колюня еле устоял на ногах), его расколола черная трещина, в глубине что-то белело. Он не успел присмотреться и понять, что там. Белое буквально выстрелило наружу, и оказалось лишенной плоти рукой, и костяшки пальцев вцепились в лодыжку, – сильно и больно.

«Нахер, просыпаюсь...» – подумал Колюня, а рука уже вытягивала из-под земли весь скелет, показался оскаленный череп.

Даже во сне не стоит дожидаться, когда в тебя запустят зубы. Колюня рванулся изо всех сил, – освободился и побежал. Костяные пальцы продолжали стискивать запястье, следом волочилась, скребла по лишайнику лучевая кость, но избавляться от сюрного украшения было некогда: отовсюду тянулись из-под земли мертвые руки, и бело-костяные, и покрытые кусками разлагающейся плоти, – тянулись, старались схватить. Этим мертвецам было не за что ухватиться, и у них не получалось так споро выбраться, как у первого. Но они упрямо выцарапывались, выскребались из земли.

«Проснуться, проснуться, проснуться...» – твердил себе на бегу Колюня, но вернуться в явь никак не получалось.

Он постоянно менял направление, уворачиваясь от цепких грабков, – но отчего-то каждый раз впереди оказывалась увешанная бутылками береза. При таких раскладах Колюня должен был давно до нее добежать, – но, странное дело, береза словно бы отступала, и при этом становилась все больше и больше. Крона нависала где-то высоко-высоко над головой, выше любого небоскреба, ствол необычайно раздался в толщину, стал как у натурального баобаба.

Мертвецы не теряли времени – один выпростался из земли, второй, третий – и все ковыляли к Колюне, не быстро, но целенаправленно. Он надал, и добежал-таки до дерева, и буквально уткнулся лицом в бересту, и подумал – неизвестно отчего и почему – что мертвецы за ним сюда не придут.

Береза уже раздалась сверх любых отпущенных для деревьев пределов, натуральная башня, не вдруг и обойдешь. Мертвецы и впрямь сюда не шли, столпились в отдалении, словно будучи не в силах перешагнуть невидимую границу.

Колюня облегченно перевел дух, но тут же снова почувствовал на себе чужой внимательный взгляд.

«Гляди, хер с тобой, за погляд денег не...», – подумал он и не успел закончить мысль: неведомая сила стиснула, подхватила, поволокла вверх.

Мимо мелькали ветви, вымахавшие потолще иных деревьев. И бутылки, тоже выросшие пропорционально березе. Над открытым горлышком одной из них оказался Колюня, и двинулся туда головой вниз, и сообразил, что вполне протиснется, окажется в стеклянной тюрьме. Он широко раскинул руки, уперся в края, – но получил лишь коротенькую отсрочку.

Вновь прозвучал тот же всасывающий, чмокающий звук, но теперь он оглушал, как близкий удар грома, рвал барабанные перепонки. Руки подогнулись, Колюня с воплем скользнул по гладкому холодному стеклу, потом был краткий миг полета, потом хрусткое приземление на доньшко. Он вопил, не смолкая, и эхо отражалось от стеклянных стен.

Глава 5. Рассвет всегда приходит

Когда во второй раз прозвучал тот же звук, неподвижные ноги Колюни задержались, словно пытаясь побежать куда-то. К чавканью «вантуза» добавилось сдавленное хрипение. Ноги прекратили суетливые попытки убежать и безвольно повисли. Именно повисли – Головач хорошо видел, что землю и подошвы кроссовок разделяет сантиметров десять, не меньше.

– Э-э-у-э-э... – негромко тянул на одной ноте Пупс, не отрывая взор от сруба.

Головач дернулся было туда, замер, снова дернулся, не в силах принять решение и чувствуя, что любое станет неправильным. Решать не пришлось – Колюня в буквальном смысле выпал из сруба и шлепнулся на задницу.

Пару секунд посидел, затем на четвереньках вылез наружу, поднялся на ноги, пошагал к избушке и подельникам, – неуверенной, как у пьяного, походкой. При этом неотрывно глядел через плечо на сруб, словно опасаясь погони тамошних обитателей.

– Т-ты живой?

Вопрос Пупса показался Головачу чрезвычайно глупым, но через пару секунд он изменил мнение. Как-то странно Колюня оглядывался: шея изгибалась влево под таким углом, что живому не больно-то изобразить, а справа на ней что-то выпирало, что-то натягивало кожу, словно там вырос второй кадык, всей науке анатомии вопреки.

Колюня изменил направление, шагнув к Пупсу, тот стоял ближе. Лишь тогда Головач смог рассмотреть его лицо. Со знакомой физиономией тоже было не все ладно. Казалось, кто-то разобрал лицо Колюни на части, словно игрушку из конструктора «лего». А потом собрал заново, но торопливо и небрежно, отчего некоторые детали оказались не совсем на своих местах.

– Ты чего? – спросил Пупс. И это стало последними словами, что услышал от него Головач.

Неторопливая спотыкающаяся походка Колюни сменилась стремительным рывком. Сбитый с ног Пупс заорал, затем захрипел. Колюня навалился сверху, но что он делает с недавним сотоварищем, Головач не видел, – он уже несея прочь, огибая избушку.

* * *

Что «бэха» теперь не заводится, он в панике позабыл. И о разрядившемся аккумуляторе, и о том, что ключи остались у Пупса, вспомнил, лишь когда подергал по очереди все двери и ни одна не отворилась.

На рукояти его складного ножа имелось приспособление, до сей поры казавшееся ненужным. Так называемый стеклобой – небольшой конический выступ из закаленной стали. Сейчас факт наличия стеклобоя чудом всплыл в памяти, может оттого, что Головач так и держал нож в руке, в отличие от фонаря, тот умудрился обронить и разбить при торопливом бегстве.

Он сжал нож покрепче и изо всех сил врезал стеклобоем по лобовому стеклу. И еще раз, и еще...

Никаких изменений со стеклом не произошло. Даже трещины не появились.

Она не пустит меня внутрь, понял Головач. Она сделала свое дело, привезла нас сюда, – а теперь ее и взрывчаткой не вскрыешь.

Воюя со стеклом, он боковым зрением увидел движение совсем рядом. Обернулся прыжком и в лунном свете разглядел странный, неправильный силуэт. Узнал подходившего Пупса, причем узнал лишь по одежде.

Лица у Пупса не было, вместо лица вперед глядел затылок, шея собралась диагональными глубокими складками.

Странное положение самой важной детали организма не мешало Пупсу целеустремленно шагать не пойми куда. Пересек накатанную полянку, миновал «бэху» и застывшего возле нее Головача, исчез между деревьями. Двигался по прямой, словно у его путешествия действительно имелась какая-то цель.

Головач развернулся и тоже бросился в лес, но в противоположном направлении.

* * *

Бегать по лесу в неверном лунном свете – лучший способ подвернуть, а то и сломать ногу на валежине или рытвине. Но как-то обошлось...

Головач мчался и думал, что ему всего сорок три, еще жить и жить, и если унесет отсюда ноги и выберется к людям, то завяжет к чертям с криминальным автопромыслом, и с любым другим криминалом тоже, и выучится какой-нибудь легальной профессии, пусть даже придется поначалу жить впроголодь... И поставит в церкви свечи за упокой души каждого, кто лежит на дне болота, и за того, кто лежит под обрывом, тоже поставит. И побывает, обязательно побывает на могиле матери, куда так и не удосужился заглянуть после отсидки. Ему казалось: если дать эти клятвы от чистого сердца, не лукавить перед собой, – только тогда удастся выбраться и спастись.

Но время шло, погони не было. Ночная тишина и прохлада успокаивали. Пережитый кошмар чем дольше, тем быстрее превращался из реальности в воспоминание. Мысли Головача двинулись более привычной колеей: он перестал каяться и давать зарюки, начал прикидывать по положению луны, в какой стороне трасса... И выскочил на полянку с «бэхой».

Все он сделал неправильно и не сумел вырваться из замкнутого круга... И нет смысла вновь бросаться в лес, все пути приведут сюда. А ночь, которой давно пора бы закончиться, будет длиться и длиться.

К портрету он приблизился медленно, словно протискивался не сквозь воздух, а сквозь куда более плотную субстанцию. Маленький огарок свечи горел по-прежнему, не став короче. И будет так гореть всю бесконечную ночь, понял Головач.

Он бухнулся на колени. Заговорил хрипло, сорванным голосом, а сердце билось так, словно решило проломить ребра и выпасть наружу.

– Ты меня прости. Если сможешь. Не со зла ведь, деньги были нужны, а больше ничего не умею, но теперь всё, завяжу, памятью матери клянусь... Прости, а? Прости и отпусти...

Шаги за спиной он слышал, но предпочел считать, что это грохочет в ушах взбесившийся пульс. Подозревал, что обманывает себя, и оттого говорил все быстрее и горячее, пытаясь заглушить звуки, ничего хорошего не сулящие.

Лишь когда его шею сдавили ледяные пальцы и самообман потерял всякий смысл, Головач дернулся, попытался вскочить и убежать.

* * *

Ночь, опасениям вопреки, все же закончилась.

Солнце поднялось над вершинами елей, лучи его с трудом протискивались сквозь густые ветви, яркие пятна скользили по крыше приземистой лесной избышки, по ограде, увенчанной черепами – чистыми, белыми, чуть ли не сверкающими.

Заглянуло солнце и на укатанную поляну, осветила BMW. Капли росы, покрывавшие черную полировку, высыхали, испарялись. Когда испарились окончательно, двигатель тихонько заурчал под капотом. Машина мигнула подфарниками, мяукнула сигнализацией и покатила в сторону трассы.

Часть вторая

Трупы жилых мест

Глава 1. Дороги живые и дороги мертвые

Придется лезть на дерево, понял Олег.

Идея ни малейшего энтузиазма не вызвала. Давно прошли те времена, когда он любил это занятие и даже оборудовал с приятелями «штаб» на сучьях раскидистого дуба. Высоты Олег и теперь не боялся, но сильно подрос с тех пор: рост под два метра, вес под центнер. С такими весогабаритными характеристиками карьера древолаза не затянется – продлится аккурат до первого подгнившего сука. А затем начнется увлекательный квест по медицинским учреждениям. В лучшем случае.

Но других вариантов не просматривалось.

Олег поднял руку с телефоном насколько смог высоко над головой. Пригляделся: нет, бесполезно, значок антенны и в таком положении остался перечеркнутым.

Он немало странствовал по здешним лесам – в междуречье Луги и Плюсы – и привык к тому, что зона приема цепляет их самым краешком: в низинах связи нет, на вершинах холмов появляется, хоть и плохонькая.

Но нынче довелось забраться вовсе уж в глушь... Вроде и от трассы далеко не успел отъехать, но место здесь равноудаленное от обеих вышек, и от той, что в Сланцах, и от кингисеппской.

Впрочем, Кудрин предупредил сразу: связи там не будет, не надейся. Олег не расстроился, даже порадовался, что проведет эти десять дней без общения с внешним миром. Ему тогда казалось, что прекрасно обойдется и без звонков, и без мобильного интернета.

Ошибался.

Выяснилось это спустя три километра после того, как он свернул с Гдовской трассы, в точности следуя кудринским указаниям. Лесная грунтовка привела к крошечной речушке, мост через нее выглядел далеко не новым, но оказался вполне исправным, мог выдержать машину куда большего веса, – его и построили для лесовозов, скорее всего.

А за речушкой поджидала проблема: дорога раздваивалась, и об этой развилке Кудрин ничего не говорил. К тому же и до речки Олег добрался как-то слишком быстро, ему представлялось, что ехать надо дольше (объясняя дорогу, приятель оперировал не километрами, а минутами езды, да и те наверняка не засекал по часам, а прикинул задним числом «на глазок»).

Неужели все-таки ошибся, свернул с трассы не на том повороте?

«Поворот не туда» – вспомнилось название фильма-ужастика. Если верить голливудским фильмоделам, то сворачивать не там и не туда, – занятие весьма чреватое. И, согласно канонам, где-то здесь непременно обитает семейка вырожденцев-каннибалов или им подобных асоциальных личностей...

Проще бы всего позвонить Кудрину и попросить дополнительно растолковать дорогу. Явно ведь: тот что-то упустил, или же Олег прохлопал ушами этот момент рассказа. Но связи не было, по крайней мере с земли.

Он тоскливым взглядом обвел ближайшие деревья. Случаются же иногда удачные совпадения, ему всего-то и нужно удобное для влезания дерево с прочными сучьями, торчащими невысоко над землей.

Его величество случай прийти на помощь не соизволил. Лес здесь стоял смешанный, березы и сосны тянулись к небу словно наперегонки: успеть к свету, не дать соседке опере-

дить и затенить, отрезав от живительных солнечных лучей. Разветвлялись березовые стволы на высоте в несколько метров, кроны сосен начинались и того выше. Тут и в детские свои годы Олег, пожалуй, спасовал бы.

Достать из багажника топорик и сделать на стволах зарубки-ступени? Или вообще попробовать сладить импровизированную лестницу? Пила и запасец гвоздей есть...

Нет, не годится. Провозится несколько часов – а вдруг и с дерева приема не будет?

Он вернулся к мосту и машине, решив действовать без консультаций, наугад. Поедет по одной из дорог – если не увидит мест, походящих на описанные Кудриным, то вернется.

Решено – сделано. Олег выбрал левую грунтовку, отсюда она показалось более ровной и накатанной, – и ошибся с выбором.

Легковушки здесь не ездили давненько, а может и вообще никогда. Соответственно и Кудрин не проезжал здесь прошлой осенью. Колеи глубокие, оставлены явно техникой лесорубов, причем не в прошлом сезоне и не в позапрошлом: на горбике между колеями успели нарасти кустики и даже молодые деревца, толщиной с палец и высотой примерно по пояс.

Машина сминала и ломала всю эту растительность, та скребла по днищу с мерзкими звуками. Олег давно бы развернулся, но хорошо понимал: едва попробует это сделать, – обломки стволиков порвут ему тормозные трубки. И без того какое-нибудь выросшее наклонно деревце могло оставить без тормозов.

Оставалось лишь таранить поросль до победного конца и надеяться на лучшее. На то, что подходящее для разворота место окажется не слишком далеко.

Свою таратайку Олег ничуть не жалел. Специально куплена для такой варварской эксплуатации. ВАЗ-«девятка» недавно разменяла восемнадцатый годик, а это пора юности и цветения для девушек, а для тольяттинских лошадок – глубокая старость. Он приобрел развалюху год назад за смешные деньги, когда испустила дух предыдущая авторухлядь, и рассчитывал проездить хотя бы пару-тройку лет.

В город на такой не сунешься, но для его дел – идеальный вариант. Проходимость хуже, чем у внедорожника, зато не страшно оставлять без пригляда в нескольких километрах от места раскопок. А сломается, мертво встанет где-нибудь в глухомани, можно спокойно там и бросить, не возиться с эвакуатором и ремонтом.

В общем, машину Олег не жалел, но и не хотел ее лишиться в самом начале экспедиции.

Судьба сжалилась над ВАЗом-ветераном: полтора километра издевательств над днищем и подвеской, – злокозненная дорога поднялась на холм, спустилась в низинку, снова перевалила холм, – и закончилась. Дальше пути не было. Вернее, тянулись дальше веером короткие дорожки, судя по следам – накатанные гусеничной техникой, скорее всего трелевочными тракторами, и даже лесовоз там забуксовал бы.

Впереди была вырубка – давняя, успевшая порости низенькими молодыми деревцами. А на краю ее обширная поляна, бывшая отгрузочная площадка, здесь лесовозы разворачивались и принимали груз хлыстов, – земля утрамбована их колесами настолько, что никакая растительность за минувшие годы не поднялась. А вон те проплешины остались от бытовок, где жили рабочие, и еще каких-то строений.

Привычная картина, и единственное, что удивляло в сравнении с другими рубками, – относительно небольшой размер очищенной от леса делянки. Накатали подъездные пути, все тут обустроили, а спилили и вывезли не так уж много... Ломать голову над непонятной логикой лесорубов Олег не стал, свои бы проблемы расхлебать.

Места для разворота хватало с большим избытком, и Олег немедленно совершил этот маневр. Повезло, что сунулся на путь, недолго тянувшийся. Теперь так же аккуратно, не выезжая из колеи, – обратно к мосту и развилке.

Вот только стоит ли исследовать другой путь? Если Олег все-таки свернул не туда, может влететь на точно такую же дорогу, ведущую к другой рубке, только к дальней. И если при-

дется еще с десятков километров этак скрести днищем, – тогда старушка-«девятка» точно прикажет жить долго и счастливо.

Беды не ходят в одиночку, известный факт. Но и удача, если уж повернется лицом, не спешит сразу расстаться со своим избранником, – Олегу повезло еще раз: переваливая ближний к речке холм, он сквозь ветви заметил слева кое-что любопытное... Остановился, вышел из машины, пригляделся: так есть, очень похоже на опоры триангуляционной вышки.

Странно... Сколько раз проезжал мимо по Гдовскому, и ни разу не замечал это сооружение. А должна быть видна.

Продравшись сквозь кусты, он понял, отчего так получилось. От вышки уцелели лишь два нижних яруса, металлические, сваренные из толстенных труб и двутавровых балок. Верхние ярусы, деревянные, тоже имелись в наличии, но не тянулись к небу, как полагается, а лежали рядом, полуразрушенные – словно рухнувший памятник былым методам науки геодезии, безбожно устаревшим в век компьютеров и космических спутников.

Рухнула вышка людскими стараниями, или же потрудились июньские смерчи, нередкие в этих местах, Олег не стал выяснять. Какая разница, если то, что уцелело, повыше многих здешних деревьев, – и не надо косплеть мартышку, карабкающуюся за кокосом.

Лестницы здесь были обычные пожарные, металлические, побуревшие от ржавчины. Олег вскарабкался на первый ярус, затем на второй, стараясь поменьше пачкаться о рыжие хлопья, отслаивающиеся от металла, но получалось плохо.

Должно хватить, в каждом ярусе метров шесть, итого двенадцать, да плюс высота холма... Он уговаривал сам себя, но успокоился, только когда взглянул на телефон и увидел: антенна не перечеркнута, а рядом с ней рядом красуются три палочки. Уфф...

Фарт к фарту – Кудрин оказался в зоне приема, а при его непоседливой жизни могло повернуться всяко. И очень скоро все непонятности прояснились.

Оказывается, Олег принял за нужную ему речку безымянный лесной ручей, о котором Кудрин, ввиду незначительности этого водоема, не стал упоминать. И о накатанной лесовозами дороге ничего не сказал – видно же, что непроезжая, что вконец убитая, какой же дурак туда попрется?

Олег не стал конкретизировать, кто именно здесь оказался дураком, еще раз подробно расспросил о дальнейшем пути и распрощался. Спускаясь, в очередной раз постановил приобрести навигатор, и не автомобильный, а туристический, на батарейках. Подсознательно понимал, что и теперь не купит, найдутся более насущные траты... Жил он в последние годы, прямо скажем, небогато.

Главное, что свернул он все-таки туда, куда надо. Так что извините, господа каннибалы-вырожденцы, знакомство на сей раз не состоится.

* * *

Ну вот, приехал. Машину придется оставить, дальше пешком. Кудрин утверждал, что «пару километров», Олег же, изучив спутниковую гуглокарту, решил, что цифра «четыре» лучше отражает действительность.

Места в точности соответствовали описанным, с одним лишь отличием: внизу, под склоном, где должна была тянуться ниточка ручья, виднелось зеркало водоема приличных размеров. Олег встревожился было: опять куда-то не туда зарулил? – но разглядел, что древесные стволы изрядной толщины растут прямо из воды, – и успокоился. Озерцо совсем новое и мелкое. Бобры поработали, запрудили ручей. Расплодились мохнатые в последнее время в огромных количествах, заселяют новые территории.

Вещи были упакованы в высокий станковый рюкзак. Все не поместились, он все-таки не турист, беззаботно шагающий с одной лишь целью – добраться до конечного пункта. Пред-

стояла работа, требующая не таких уж компактных инструментов. Не беда, сделает еще одну ходку, попозже, ближе к вечеру.

Что кто-нибудь покусится на оставленную без пригляда машину, бояться не стоило. Разумеется, в грибной, ягодный и охотничий сезон даже в такие глухие углы добираются обладатели внедорожников, но сейчас, в середине мая, им в лесу делать нечего. Даже заготовителям веников рановато выходить на промысел. К тому же люди, находящиеся в лесу по делу, обычно не склонны взламывать машины, оставленные хозяевами.

Но все же самое ценное: ружье, металлоискатель «Гаррет» и ноутбук, – Олег прихватил с собой. «Тозовку» сразу расчехлил, патроны уже лежали в магазине, один дослал в ствол. Дичи здесь хватает, пару раз дорогу перелетали рябчики. Возможно, удастся разжиться свежатинкой за время пешего пути. Запас продуктов в десятидневную экспедицию Олег по привычке взял на шесть дней, рассчитывая восполнить недостачу при помощи удочки и ружья.

Пошагал.

Только-только перевалило за полдень, солнце окончательно разогнало утреннюю прохладу, – тепло, но без удушливой летней жары. Олег считал, что май – лучшее время для работы. Земля везде полностью оттаяла, даже на северных склонах и в глухих оврагах, но зелень еще не поднялась в полный рост, не затянула места раскопок. Тепло, но орды насекомых-кровососов пока не вылетели на охоту. Хотя клещей и сейчас стоило опасаться. Но пока путь лежал по солнечным сухим местам, а кровососущие паразиты предпочитают таиться в тени.

Он шел по бывшей дороге. По мертвой дороге, по убитой, как выразился сегодня Кудрин в несколько ином смысле. Причем убили лесной проселок много десятилетий назад пассивным способом: просто перестали по нему ездить.

Некогда дорога-призрак соединяла Терновку с большим миром: давно исчезли, затянулись и заросли колеи, накатанные телегами, но как-то еще угадывалась выросшая на их месте несколько иная растительность, отличающаяся от окружавшего леса. С вертолета или же на спутниковых картах призраки дорог видны гораздо лучше, а шагая по земле, можно не заметить и не понять, что пересек некогда оживленный путь. Однако у Олега глаз был наметан на такие вещи.

Птица взлетела шумно и неожиданно, буквально из-под ног, в двух шагах. Олег даже не успел понять, рябчик это или вальдшнеп, солнце светило в глаза. Рефлекторно выстрелил вслед – и, разумеется, промахнулся. Главное достоинство ТОЗ-106 – компактность, но для быстрой стрельбы навскидку короткоствольная малышка решительно не годится, любую дичь надо выцеливать. А дроби в патроне двадцатого калибра не так уж много, чтобы надеяться зацепить шальной дробинкой.

В общем, не стоило сгоряча давить на спуск: и дичь не добыл, и оружие теперь придется чистить.

В лесу после выстрела воцарилась кладбищенская тишина. Хотя нет, не слишком точный образ – птицы охотно гнездятся на кладбищах и громко чирикают с утра до ночи, им нет дела до людских ритуалов, связанных с покойниками. Здесь же птичий хор замолк, напуганный выстрелом. Олег его не замечал, сознание отсекало привычный шумовой фон. Но едва пичуги замолчали, появилось подсознательное ощущение: что-то стало неправильным в окружающем мире.

Он передернул затвор, дослал новый патрон. После секундного размышления нагнулся за желтеющей на мху пластиковой гильзой, прибрал в карман. Вокруг ни единой приметы людского присутствия: ни выброшенной бутылки, ни прочего мусора, избыливающего в более посещаемых местах, – гильза казалась чуждой и неуместной. Вот и незачем начинать превращать лес в помойку.

Разгибаясь, встретился взглядом с псом.

Неожиданно...

Собака была крупная, даже очень, и самой, что называется, «дворянской» породы, но среди предков явно числила лайку. Масть странная, необычная, словно бурая шерсть густо поседела. Левое ухо изуродовано, висит лохмотьями, – след давней жестокой схватки.

Оба стояли молча и неподвижно. Олег изучал пса. Пес изучал Олега, агрессии никак не проявлял. Дружелюбия, впрочем, тоже – не вилял хвостом, не демонстрировал мимикой, что явился всего лишь попросить вкусенького.

Ошейника не видно... Значит, не охотничья (деревенские охотники часто охотятся с полукровками, и даже утверждают, что иные из них в работе лучше чистопородных). Бродячей же собаке здесь делать решительно нечего, четвероногие бомжи жмутся к жилью, к помойкам и прочим источникам пищи. И внешний вид для бродячих не характерен... ни следа понурой обреченности, спокойно держится, уверенно.

Значит, псина одичавшая или даже вообще дикая, появившаяся на свет уже здесь, в лесу, – и приспособившаяся к жизни вольного хищника. А этот образ жизни, среди прочего, включает привычку защищать от вторжений чужаков свою территорию, свой охотничий участок.

Олега сделанный вывод не напугал. Заряженный ствол в руках, дистанция больше десяти метров. Хватит времени, что прицелиться и жестко пресечь любые агрессивные порывы. Хотя странно... С дикими собаками ему приходилось сталкиваться, с огнестрельным оружием те хорошо знакомы, и не с лучшей стороны, – охотничьи правила разрешают отстреливать ново-явленных хищников в любое время года, без запретов и ограничений, как самого страшного врага звериного молодняка и птиц, гнездящихся на земле. Дикий пес, по разумению Олега, если бы даже явился на выстрел, – должен был наблюдать за стрелявшим издалека, на глаза не попадаясь.

Ладно, будем считать, что это нетипичный «дикарь», с охотниками по причине безлюдья не сталкивавшийся.

К каким выводам пришел визави в результате созерцания Олега, осталось неизвестным. Но явно решил, что дальнейший контакт не интересен: бесшумно метнулся в сторону, исчез в подлеске. Через несколько секунд серая тень перемахнула крохотный овражек и снова исчезла. Любопытно, что удалился пес как раз ту сторону, куда лежал путь Олега. Если у мохнатого там лежка, возможны новые встречи. И не факт, что завершатся они столь же мирно. Хотя неплохо бы прикормить и подружиться, будет сторож для лагеря...

В этот момент неуверенно чирикнула первая пичуга – раз, другой, и тут же, как по сигналу, к ней присоединились остальные. Словно пернатые певцы, затаив дыхание, наблюдали: чем же завершится противостояние? – а теперь поняли, что ничего интересного больше не произойдет, и вернулись к повседневным делам.

Олег двинулся дальше, перебрался через тот же овражек, что и пес. Совсем недавно здесь протекал ручеек, порожденный тающими сугробами, – но ныне иссяк, оставив только чавкающую под ногами грязь. Собачьи лапы, кстати, на той грязи не отпечатались, – не то лесной житель форсировал преграду длинным прыжком, не то Олег ошибся и псина переправилась чуть в стороне.

А за овражком он понял, что пришел. Вокруг был не то сад, не то огород – такой же призрачный, как и дорога. С большим трудом угадывались следы грядок, из плодовых деревьев уцелела только громадная старая вишня – дерево недавно отцвело, усеяв всю округу белыми лепестками. Еще одно дерево показалось яблоней, но стояло засохшим скелетом, постепенно роняя на землю подгнивающие сучья. Зато малина и смородина приспособились к дикой жизни, даже расплодились, пустили новые побеги, росли вольготно и вперемешку.

Ну вот, добрался. Теперь быстрый предварительный осмотр места – и можно обустроиваться.

Глава 2. Труп шахтерского городка

Закон подлости, он же закон бутерброда, действовал без осечек: всю трехчасовую дорогу светило солнце, нагревая старый автобус, превращая его в натуральную душегубку. Но на подъезде к Сланцам небо стали затягивать облака, солнце пробивалось сквозь них редко, урывками, потом и вовсе перестало. А когда десантировались на автовокзале, то с серого, как больничная простыня, неба закапал противный мелкий дождь.

– Варя, – Аня окликнула подругу, увлеченно изучавшую что-то в смартфоне.

Та оторвалась от гаджета, но ответила лишь взглядом, тут же вернувшись к своему занятию.

Аня еле сдержала раздражение, не до игр сейчас. Она глубоко вдохнула, проглотила злость вместе с обидой.

– Атенаис!

– Да погоди ты, я пытаюсь врубиться, как лучше объяснить, куда нам надо, – отозвалась Атенаис Велимирова, она же Варвара Куницына. – Цифры координат ничего для местных не означают...

И вернулась к изучению карты.

Варя официально поменяла имя, вместе с паспортом и остальными документами. Имидж тоже изменила – другая прическа, другая одежда, агрессивный макияж. Как будто пыталась стереть старую личность, словно и не было никогда растрепанной неуверенной девчонки, приехавшей из вымирающего городка в культурную столицу, а была всегда эта новая женщина, способная вагиной лом перекусить.

Все в новой Варе (пардон, в Атенаис) кричало: посмотри на меня! Выбритый левый висок, а справа волосы, доходящие до ягодиц, – черные с лиловым оттенком. «Штанга» с крохотными черепами в проколоте брови. Татуировка-свастика на запястье (я не нацистка, как можно, это же древний праславянский символ). Шея в свежих засосах, не прикрытых воротом клетчатой рубашки. Ни на госслужбу, ни в офис серьезной фирмы с таким имиджем не устроиться, но Варя-Атенаис и не парилась, вела беззаботную фрилансерскую жизнь. Что-то для кого-то писала (Аня не вникала, плохо представляя, чем копирайтинг отличается от рерайтинга), и денег ей хватало, – и просто на жизнь, и на капризы. Капризов хватало тоже.

Подруга на ее фоне смотрелась серой мышкой. Светло-русые волосы забраны в простой хвост, скромный, но все же французский маникюр, косметика, не бьющая наповал по зрительным нервам... И никакого секса со случайными партнерами.

Две противоположности, день и ночь, лед и пламень... Казалось бы, что могло быть между ними общего? Но отчего-то тянуло друг к другу. Познакомились несколько лет назад на вечеринке выпускников, посвященной юбилею вуза (во время учебы отчего-то не пересекались), разговорились, на следующий день отправились куда-то вместе, Аня уже не помнила в точности, куда именно, на какую-то выставку, кажется... И после не то чтобы не расставались, но регулярно созванивались и встречались.

...По дороге неторопливо проскрипел зеленый «москвич», за рулем сидел дед, крепко вцепившийся в баранку. Аня проводила взглядом осколок советского прошлого, даже два осколка, вопросительно глянула на Варю: странное дело, только что этот дедок отказался их везти, а теперь уезжал пустым. Подруга местная, должна лучше разбираться в менталитете жителей депрессивных городков.

Варя на укативший «москвич» никак не отреагировала – взгляд так же приклеен к гаджету, не оторвать. А им пора ехать, давно пора. Черт знает, сколько еще рыскать по окрестным лесам в поисках Ильи.

Аня снова сделала глубокий вдох. Хотелось закурить, хотелось заорать, проклиная брата-недоумка, послать на хрен Фортуна, повернувшись к ней пухлой мраморной задницей. Выплеснуть злость, скопившуюся за последние дни.

«Не обманывай себя, – ехидно встрял внутренний голос, – за последние месяцы, а то и за годы».

Аня обогнула здание автовокзала. Машины, занимающиеся частным извозом, там не стояли, а таксомоторных фирм в Сланцах, похоже, не было. Или же они законспирировались, ушли в подполье, ничем не выдавая свое существование.

Uber? Яндекс-такси? Не смешите, здесь о таком не слышали... Нет, приложение бодро откликнулось, пообещав прислать машину. Из Питера. С соответствующим временем ожидания и соответствующей оплатой. Спасибо, не надо...

Из леса, подступавшего к автовокзалу, пахло разрытой землей, мокрой листвой, грибами и тухлятиной.

Она вытерла рукавом рубашки злые слезы, выступившие на глазах. Лезть в сумку за бумажными салфетками не стала, знала, что будет тщетно рыться среди нужного хлама, а салфетки, похороненные на дне, не найдет, потому что все было не так, как должно было быть, – с того самого дня, когда вместо работы по специальности (юрист гражданского права) она встала за прилавком магазина по продаже одежды для беременных. Ненадолго, на пару месяцев, чтобы не сидеть на шее родителей, пока ищет вакансию с достойным окладом... Два месяца незаметно растянулись в пять лет. Правда, карьерный рост налицо: старший продавец-консультант, не шутка.

Аня сделала селфи на фоне автовокзала, сбросила снимок Артуру, написав: «Я в Сланцах. Страшная дыра».

* * *

На самом деле, если бы не Илья, она сейчас сидела бы дома, смотрела «Чикаго в огне» и ждала, когда разморозятся стейки из индейки, чтобы приготовить к приходу Артура идеальный или почти идеальный ужин.

Хотя, наверное, идеального ужина он не заслужил, – постоянно зудел, напоминал о так и не оформленной родительской квартире. Именно любовник (Аня предпочитала называть вещи своими именами, не прячась за эвфемизмами) настоял, чтобы она взялась за оформление наследства, даже нашел покупателей на квартиру.

Пересилив себя, Аня позвонила Илье, – общались брат и сестра редко, по необходимости. Давно жили раздельно, а никакой душевной приязни между ними и в прежние времена не существовало.

Но позвонила, и они подали заявление нотариусу, подождали установленный законом срок, собрали необходимые документы, – и вот теперь, когда оставалось только подать заявление о регистрации в Управление Росреестра, а потенциальные покупатели поставили жесткие сроки по заключению сделки, – Илья пропал.

Вызовы сначала сбрасывал, потом и вовсе выключил мобильник. В однушке, где он жил, трели дверного звонка никакой реакции не вызывали.

Непонятно... Ведь Илья сам был весьма заинтересован в продаже родительской квартиры, давно хотел сменить свое жилье на более просторное и респектабельное. И клятвенно пообещал в этом месяце надолго не отлучаться.

Дружки были не в курсе, где он, одни лишь догадки, – дескать, Пупс (так именовали Илью в их компании) укатил, наверное, по делам, вернется с бабосиками, погуляем.

Она не представляла в точности, чем зарабатывает на жизнь брат. Принципиально не желала вникать в детали и подробности. Знала лишь, что он перегоняет машины куда-то в Белоруссию, или на белорусскую границу... в общем, в ту сторону.

Но понимала, что бизнес там, очень мягко выражаясь, не совсем чистый, – Илья просил как можно меньше трепаться об этих его делах. В чем именно состоит криминал: тачки ворованные, или же перевозят в них наркоту либо контрабанду, – Аня предпочитала не докапываться, меньше знаешь, крепче спишь. Однако сейчас понимала, что к полиции в деле розысков обращаться нельзя. Надо попытаться найти самой. И побыстрее, других таких щедрых покупателей на «убитую» двушку в не особо престижном районе ждать придется очень долго. И не факт, что удастся дождаться.

Проблема состояла в том, что Аня понятия не имела, с чего начать поиск. На помощь пришел Артур, подключил к делу своих друзей-хакеров, но от дальнейшего участия отстранился, умотал в командировку в Голландию.

Итог – координаты места, где последний раз выходил на связь мобильник Ильи.

Место оказалось странным, находилось в глухом лесу, в Сланцевском районе. Никакого жилища, если верить картам, в округе там не было.

Илья, конечно, мог загулять-загудеть хоть на неделю, но не на лесной поляне же... Он насквозь городской человек и к турпоходам и прочим длительным выездам на природу не склонен. Недолгий пикник с шашлыками – максимум того, на что он способен.

Но насколько карты соответствуют реальности? – вот в чем вопрос. Аня, чтобы прояснить его, обратилась к Варе, все-таки местная уроженка, может подскажет что толковое...

И все завертелось.

* * *

Город напоминал Припять или Сайлент-Хилл, того и гляди завоюет сирена, давая знать, что ад идет за тобой. На пустынных улицах Сланцев – ни единого аборигена. Дождь, перешедший в морось, окрасил асфальт в темно-серый унылый цвет.

Казалось, что город давно умер, а шахтные терриконы стоят вокруг, будто стражи его могилы. А может, так оно и есть? И в пыльных квартирах за накрытыми столами сидят скелеты?

От этих мыслей Аня поежилась. И спросила:

– А все-таки, почему тут у вас так... – она искала нужное слово, чтобы невзначай не обидеть, – ...так грустно?

Варя уверенно шла вперед, делая вид, что влажная пустота вокруг ее не пугает. Ответила легко и не задумываясь:

– А с чего, блин, веселиться-то? Шахты позакрывали... А весь город с них жил, его только для того и построили, для добычи сланца.

Аня всегда думала, что в Сланцах производят одноименные резиновые шлепанцы, весьма популярные для походов на пляж или в баню. О том, что здесь есть шахты, даже не знала, – и удивилась сегодня, увидев терриконы, доминировавшие над окрестным ландшафтом.

– А отчего позакрывали? Ведь они для чего-то используются, эти сланцы? И вдруг стали никому не нужны?

Варя растолковала: главным потребителем здешнего горючего сланца были тепловые электростанции соседней Эстонии, в те годы братской советской республики. Их так изначально проектировали, – ни уголь, ни что иное в качестве топлива не годилось, только сланец. Потом республика обернулась независимым государством, не слишком братским. Новые власти в конце девяностых объявили, что не желают зависеть от России в энергетике, – и перестроили свои электростанции на другое топливо, взяв на это дело западные кредиты. Отби-

ваться затраты будут лет двести, но независимости от российских поставщиков достигли, что да, то да. И заодно, мимоходом, угробили город Сланцы.

– Вот оно как... – протянула Аня. – А я, прости, думала, что у вас тут только шлепанцы...

– Шлепанцы ёк. Знаешь, из чего их делали? Подошвы высекали из лент для шахтных транспортеров, из бракованных, некондиционных. В детстве, помню, смешные ограды были в окрестных деревнях: здоровенные полотнища резины натянута, и в них сплошняком дыры от подошв... Сюрно смотрелось. А сейчас все сланцы, которые шлепанцы, китаезы делают.

За разговором дошли до дома, где, по словам Вари, обитал человек, способный помочь с транспортом.

Потрескавшаяся табличка на торце серой облезлой трехэтажки сообщала: «ул. Максима Горького, 18». Во дворе горбатый «запорожец» намертво сел на брюхо рядом с детской площадкой. Горка покосилась и грозила упасть на клумбу из шины с чахлыми тюльпанами. Из подвальной отдушины тянуло такой затхлой сыростью, что было ясно: подвал давно и навеки затоплен, десантируя комариные армии в любое время года.

Рядом с кривоватым крыльцом росла черемуха, старая, огромная, Аня даже не знала, что такие бывают. Цвет с дерева почти осыпался, с ветвей свисали подвешенные на бечевках игрушки. Одноглазый медведь с голубой свалявшейся шерстью. Голые пупсы с вырванными руками и ногами. Большая кукла с закрывающимися глазами висела головой вниз, – один глаз закрыт, другой прищурен.

Серый фарфоровый песик с отбитым ухом (скорее статуэтка, чем игрушка), удержаться в бечевочной петле не мог, – и висел, дополнительно опоясанный несколькими витками изоленты.

Аня уставилась на инсталляцию недоуменно, затем достала телефон, навела объектив на черемуху. Варя же прошагала мимо, не обратив внимания, как мимо привычного зрелища, она уже поднялась по щербатым ступеням и набирала номер квартиры на домофоне. Аппарат пикнул несколько раз, из динамика раздался треск, но никто не спросил: кто там? Дверной замок лязгнул, открывая путь. Их ждали.

* * *

Встретились подруги на Невском, завернули посидеть в небольшое кафе на Думской, где Варя первым делом объяснила, что картам доверять нельзя, когда дело касается лесных дебрей Сланцевского района. Там много есть чего, на карты не нанесенного. Например, отправились она как-то на каникулах в лес на барбекю в компании друзей, – глядь, а давно облюбованное местечко занято: палатки стоят, целый лагерь, какие-то непонятные парни полувоенного вида тренируются... В общем, нашли другое место, от греха подальше.

Аня на миг представила Илью, зачем-то тренирующегося в военизированном лагере, – и решительно отвергла такой вариант. Кто угодно, только не ее братец.

Найдутся и другие варианты, сказала Варя. Много чего есть в безлюдных, если верить картам, лесах. Есть охотничьи и рыболовные базы (порой наворочанные, элитные, по самому последнему слову оборудованные) – нигде в казенных бумагах не числящиеся, по сути браконьерские. Хотя, разумеется, охраняющие птиц и зверей инспектора о них знают и мзду свою получают. А бывают «охотничьи домики», с охотой ничем, кроме названия, не связанные. И хорошо, если там только расслабляются и бухают.

Аня подумала, что расслабиться и забухать на неделю, – это вполне в духе Ильи. И осторожно спросила:

– В каком смысле «хорошо»? С наркотой в охотничьих домиках тоже балуются?

– Бывает... А еще – экстремальный секс. Тот, что совсем за гранью.

Она столь многозначительно посмотрела на подругу, что Аня решила не вдаваться в дальнейшие подробности. Но соваться в одиночку в сланцевские леса в поисках Ильи ей категорически расхотелось. До чего же не вовремя случилась командировка у Артура...

Выход по собственному почину предложила Варя: поехали, дескать, вдвоем. Она, дескать, все равно собиралась в июне посетить родные места, съездит на две недели раньше, только и всего.

Аня с радостью ухватилась за предложение. Заодно решила проблема с транспортом: у Варя была машина, тогда как Аня за руль не садилась после катастрофы, унесшей жизнь родителей. Вернее, садилась, но даже с места тронуться не могла, немедленно приключалась паническая атака или нечто вроде того.

– Когда ты сможешь выехать?

– Да хоть сегодня, – беззаботно ответила Варя. – Час на сборы, и по коням!

– Сегодня не смогу я, – вздохнула Аня. – Надо договориться, чтобы в пятницу на работе подменили. Тогда завтра утром, ладно?

Затягивать с выездом не стоило. Чем дольше медлить, тем меньше шансов застать Илью там, где он в последний раз выходил в сеть. «В крайний раз, дура!» – мысленно цыкнула Аня сама на себя.

Со спутницей для поездки все уладилось лучшим образом, а вот с транспортом случился облом: «Тойота» подруги стояла в ремонте, обещали отдать лишь через три дня.

Поехали на рейсовом автобусе, и Ане казалось, что высидеть в духоте три с лишним часа на жестких сиденьях, наверняка помнивших Олимпиаду-80, – самое главное испытание, дальше будет легче.

Что найти такси станет проблемой, что придется не пойми куда тащиться в поисках помощи, она никак не рассчитывала.

* * *

В квартире густо пахло дешевым табаком и чем-то кислым, вроде как квашеной капустой. Аня сидела на прокуренной кухне и делала вид, что пьет чай из чашки с таким темным налетом на стенках, что первоначальная белизна угадывалась только по наитию.

По грязному окну ползли ленивые капли дождя. В комнате царил сумрак, но свет не включали.

Аня из вежливости сделала глоток, увидев, что хозяин на нее смотрит. Чай пах рыбой и горчицей, но насыпать еще сахара из засиженной мухами сахарницы она не решилась.

– Значит, в лес вам надо... хе...

Хозяин квартиры, тощий мужик лет под шестьдесят, с седой лохматой шевелюрой и острым подбородком, заросшим сивой щетиной, затынулся вонючей самокруткой. Нахмурил брови, посмотрев на погасший несколько минут назад экран смартфона, который он продолжал держать в вытянутой руке, будто боялся радиоактивного излучения или еще какой-нибудь пакости от чуда враждебной техники.

– Пойди туда, хер знает куда.

– Дядь Толь, мы брата Анькиного ищем. Координаты – все, что у нас есть.

Варя сидела у окна на деревянном табурете. Рубашку она застегнула на все пуговицы, подняла ворот, стараясь скрыть от дяди Толи засосы на шее. Теребила чайную ложку, покрытую налетом.

– Брата, значит, – старик глянул на Аню, – а какого хера ему в той глуши понадобилось?

– Не знаю, – честно ответила Аня. – На звонки сейчас не отвечает, но его телефон где-то в здешних лесах последний раз включался. Хватаемся за соломинку.

– За соломинку, – дядя Толя пристально посмотрел на Варю, – шесть лет тебя здесь не было, даже могилку навестить носа не казала... А теперь заявила, вся такая... такая... – Он не нашел подходящего слова и сменил тему: – В лес отвези, дескать... а про бабу и не вспомнила.

Странно... Валя, по ее словам, каждый год бывала в Сланцах, даже не по одному разу, – и оснований врать подруге у нее не было. Наверное, просто избегала заглядывать к дяде... если он ей действительно дядя, конечно.

Варя пристыжено опустила глаза, уставившись в кружку с остывшим чаем.

– Я заплачу, – сказала Аня.

Деньги старику явно не помешали бы, за спиной у нее гудел пузатый «ЗИЛ», навевая детские воспоминания об их стареньком дачном домике, где продукты хранились в таком же допотопном холодильнике. Закопченные обои отслаивались со стен, открывая загаженную тараканами штукатурку. В захватанной пыльной хлебнице черствела горбушка дарницкого.

Старик посмотрел на Аню. Глаза с желтоватыми белками и блеклыми водянистыми зрачками смотрели пристально, в них так и читался упрек: городская шмара приехала с деньгами и выеживается.

– Ясно, что заплатишь, бензин, чай, из хера не нацедить. Только не я повезу, моя «копейка» накрылась, сцепление надо менять, на целый день работы. С почетом покатыте, на мерине, как заправские барыни.

Аня представила деревенскую телегу, запряженную понурым меринком. И лишь несколько секунд спустя сообразила: наверное, старик так называет «Мерседес». Ну-ну, интересно, с каких времен уцелел тот агрегат? Наверное, с тех, когда в шахтах еще добывали сланец, платили шахтерам хорошие деньги за тяжелый и опасный труд, когда никто не догадывался, что у обреченного городка уже начался обратный отсчет.

* * *

– Станный он какой-то, – Аня подержала под струей воды белую тяжелую тарелку с клеймом «общепит» на доньшке, – ты уверена, что действительно договорился?

Ужинали жидким супом из консервированной кильки, во рту у нее до сих пор стоял привкус кишок, а меленький рыбий глаз застрял в зубах и языком все никак не удавалось его оттуда вытащить. Старик ушел в зал смотреть новости, девушки мыли посуду на кухне.

– Дядя Толя правильный мужик, они с отцом, сколько себя помню, дружбу водили. Я когда маленькая была, с их дочкой дружила. Она меня целоваться на соленых помидорах учила. Тетя Зина застукала, когда мы эротическое постанывание в процессе поцелуя проходили. Эх, и навешала она нам тогда, но матери не рассказала, правильная была.

Варя улыбнулась, вытерла дырявым вафельным полотенцем тарелку, вымытую Аней, поставила в рассохшийся шкаф.

– Не подведет, сказал, что договорился, – значит, завтра поедем.

Еще одна задержка даже не взбесила Аню, – привела в состояние тихой и безнадежной тоски. И задержка, и перспектива переночевать у «дяди Толи», который оказался Варю вовсе не дядей... Конечно же, ночлег был предложен не задаром, она хотела отказаться, но представила, какие могут оказаться в этом городишке гостиницы, – и решила не менять одно дерьмо на другое.

– Слушай, у тебя нить зубная есть? – спросила Аня, отчаявшись избавиться от рыбьего глаза.

– В рюкзаке посмотри, в пакете с таблетками.

Рюкзак она оставила в спальне, где до замужества жила Варина подруга.

В комнате пахло сырým бельем, расстеленным на стареньком продавленном диване. Обои в черно-желтую полоску пузырились и отслаивались, как и в кухне. Половину комнаты занимал лакированный шифоньер с антресолями. На пыльном подоконнике с трупиками прошлогодних мух стояла ваза с засохшими розами. Пол закрывала вытертая красная дорожка. Над диваном висел ковер с бахромой, на синем фоне широкогрудый олень стоял на пегом скальном уступе, смотря в глубь минувших лет.

Аня присела на корточки рядом с прислоненным к дверце шифоньера ярко-оранжевым рюкзаком Вари. То был не символический городской рюкзачок, – большой, вместительный, хоть в недельный турпоход с ним шагай. Сама Аня, все пожитки уместившая в сумку на ремне, поначалу удивилась, но потом решила, что подруга везет подарки друзьям и родственникам... Но тут вдруг выяснилось, что и к родне, и к давним знакомым Варя уже шесть лет глаз не кажет. К кому же она тогда ездит в Сланцы? К хахалю? Не смешно, она их находит без труда и меняет как перчатки, – и будет шесть лет мотаться тайком от родни на свидания за двести километров?! Не в этой жизни.

Она вдруг сообразила, что застыла над рюкзаком, позабыв, зачем пришла, – расстегнула застёжки, сверху лежал свернутый дождевик, под ним толстовка. Аня достала вещи, положила на пол рядом с собой. Пошарила рукой внутри, стараясь нащупать заветный пакет с таблетками, когда рука наткнулась на что-то твердое, похожее на палку. Аня потянула. «Палка» оказалась полицейской дубинкой с замотанной синей изолентой рукояткой.

– Даже знать не хочу, – процедила Аня.

Положила дубинку к дождевику и толстовке, продолжила искать. Наконец под кучей вещей нашелся пакет с лекарствами, а в нем среди упаковок «Мига», «Йода», пластыря и прочего, – коробочка с зубной нитью.

* * *

«Лежу на новом месте, приснись жених невесте», – глупая привычка говорить так каждый раз, когда ночевала не дома, осталась с детства, хотя Аня и надеялась, что ей приснится Артур. В конце концов, они вместе уже три года, достаточный срок, чтобы понять, подходят они друг другу или нет. Она отвернулась к стенке, уперлась взглядом в слипшуюся бахрому ковра.

Варя легла с краю и уже посапывала, провалившись в сон.

Надо было поспать, просто закрыть глаза и ни о чем не думать. Диван скрипел от каждого Аниного движения, под ватным тяжелым одеялом было слишком жарко, а подушки, набитые перьями еще при Горбачеве, напоминали камень. За стеной бубнил телевизор, и под этот бубнеж она сама не заметила, как провалилась в сон.

Разбудил Аню скрип. Чужая постель, чужие густые тени в углах, – она открыла глаза, когда поняла, что кроме скрипа слышит тихие стоны. Решив, что Варя приснился кошмар, Аня хотела окликнуть подругу, но глаза, привыкшие к темноте, различили контуры Вариного тела. Она лежала на спине, широко разведя ноги, правая рука между бедер, левой Варя поглаживала грудь, теребя проколотые соски. Из приоткрытых губ, вырывалось хриплое дыхание. Волосы в темноте казались черным клубком змей, свернувшимся на подушке.

Аня замерла, не зная, что делать. Последний раз ей было так неловко, когда она услышала в детстве, как родители занимались сексом в дачном домике, за тоненькой фанерной перегородкой.

Отвернуться – значило скрипом выдать себя, смутить подругу. Она хотела закрыть глаза и притвориться, что ничего не происходит, когда поняла, что Варя смотрит прямо на нее. Не прекращая ласкать себя, Варя отвернулась. Ее рука задвигалась быстрее, спина изогнулась, в воздухе повисло напряжение, а потом натянутое, как струна тело расслабилось. Варя снова посмотрела на Аню, будто ждала чего-то. Осуждения? Или чего-то другого? Аня не знала. Варя

придвинулась к ней. Ане показалось, что подруга хочет ей что-то сказать или поцеловать, так близко было ее разгоряченное лицо, приоткрытые влажные губы, замутненные глаза. Секунда, и... ничего. Варя встала (диван протестующе скрипнул), и вышла из спальни, несколькими мгновениями позже в ванной зажурчала вода.

Аня отвернулась лицом к стене, пытаясь свыкнуться с тем, что только что видела. Между ног было горячо и скользко.

Глава 3. Труп лесной деревушки

При беглом осмотре Олег насчитал полтора десятка строений. Вернее, полтора десятка едва заметных, давно заросших фундаментов. Наверняка их было больше, но детальную разведку местности стоило оставить на потом.

Планировка у деревушки оказалась интересная. Несмотря на малый размер Терновки, здесь имелось нечто вроде центральной площади, – сейчас превратившейся в обширную поляну, поросшую прошлогодней белесой травой, сквозь которую едва начала пробиваться новая, зеленая.

Возможно, эта поляна даже была в свое время замощена. Камни (или деревянные плашки, или чем тут еще мостили) давно утонули в грунте, но ни деревья, ни кусты здесь так и не поднялись. Хотя, может, ничем не мостили, – просто многие поколения так утоптали землю, что стала она непригодной для солидной растительности с длинными корнями.

Лишь в центре «площади» росла громадная ель, но старая, необхватная, помнившая те времена, когда место было жилым.

Место для палатки Олег выбрал с умом. Растянул ее чуть в стороне от «площади», – так, чтобы сразу не бросалась в глаза, благо камуфляжная расцветка неплохо сливалась с местностью. Любого же чужака, не пойми каким ветром занесенного в деревушку, заметить от палатки не составит труда.

Разобрал рюкзак и разложил в палатке вещи, оборудовал неподалеку тайничок для самого ценного. Потом занялся проблемой питьевой воды: нашел удобный спуск к ручейку, – заодно выяснив, что вылет комаров уже состоялся, в глубоком тенистом овраге их было предостаточно.

Зачерпнул полный котелок, – вода текла чистая, весенняя муть сошла. Но пить ее, разумеется, можно только после кипячения, – если нет желания заработать жесточайший понос. Но хоть что-то... Позже можно поискать родник, место для колодцев здесь слишком высокое и сухое, а у жителей наверняка был какой-то источник питьевой воды.

Желудок все чаще намекал, что времени после завтрака прошло изрядно. Олег поставил котелок кипятиться на туристском примусе, а сам еще раз обошел окрестности.

То там, то тут попадались следы прошлогоднего визита Кудрина. Два фундамента были расчищены от растительности, и видно было, что они невысокие, сложены из старого дореволюционного кирпича. Между прочим, за некоторые такие кирпичики с вытесненной фамилией производителя (не за все, за особо редкие) коллекционеры выкладывают очень неплохие деньги... Где-то в недрах ноутбука Олега хранился соответствующий каталог, потом надо будет проверить, вдруг действительно есть смысл прихватить с собой пару-тройку увесистых экспонатов. Кудрин кирпичами не занимался принципиально, так что опередить в этом деле не мог.

Вообще было видно, что коллега покопался здесь без фанатизма: в расчищенных фундаментах отвалы земли небольшие (не совсем земли, грунт был густо перемешан с сажой и мелкими угольками). Еще кое-где виднелись крошечные – несколько раз копнуть лопатой – шурфы. Возле одного висел на ветке куста фарфоровый заварной чайник (вещица старинная, но коллекционерам фарфора не интересная, – носик отбит). И всё, больше никаких следов раскопок. То есть Кудрин не врал: действительно провел здесь два дня, порылся по самым верхкам, – и уехал. И не планирует возвращаться, иначе никогда бы рассказал Олегу об этом месте, пока сам не выжал бы его досуха.

Странно... Более чем странно. Найти нежилую деревушку, не нанесенную на карты и избегшую нашествия копателей, – большая удача. В чем-то был здесь подвох, но в чем именно, Олег пока не мог понять.

* * *

Деревни как люди: в свой срок появляются на свет, в свой срок умирают по самым разным причинам. Из-за удаленного расположения, например: невыгодно тянуть электротрассу и асфальтировать дороги, нет смысла содержать школу, магазин и здравпункт для немногочисленных жителей. Но даже удачное место на карте отнюдь не гарантирует выживание для небольших деревушек. Есть такой объективный процесс, называется урбанизация, и за минувший век доля сельского населения упала в России с восьмидесяти процентов до двадцати, – во многих деревнях стало просто некому жить.

Однако деревушка Терновка не умерла естественной смертью. Ее целенаправленно убили, и Олег знал имя убийцы, не в первый раз сталкивался в здешних местах со следами его деятельности.

Ребане.

Альфонс Ребане, единственный эстонец, удостоенный Рыцарского креста с дубовыми листьями, – высшей награды Рейха.

Войну этот деятель завершил, командуя 20-й гренадерской дивизией СС (эстонской) в чине штандартенфюрера, но здесь, в междуречье Луги и Нарвы, отметился как командир 658-го Восточного батальона СС. Карательного батальона, сжигавшего русские деревни междуречья под флагом борьбы с партизанами.

Партизан в Ленинградской области действительно хватало. И тылам германской 18-й армии они приносили немало вреда. Но странный факт: если взглянуть на современную карту Кингисеппского района, то обнаружится, что в западной его части деревень на порядок меньше, чем в восточной. В соседнем Сланцевском районе картина еще печальнее: левобережье Плюссы в верхнем ее течении до сих пор безлюдное, рядом почти с каждой нанесенной на карту деревушкой указано в скобочках: нежилая. Хотя советские партизаны действовали без такой странной избирательности.

Ларчик открывается просто.

Эстонские националисты, служившие Гитлеру, были уверены: когда фюрер наконец позволит восстановить эстонское государство, граница возрожденной державы пройдет значительно восточнее, прихватив широкую полосу бывшей российской земли. И они заранее очищали эту землю от инородцев. Деревни сжигали. Жителей вывозили на Кургальский полуостров, на бывший красноармейский полигон, – и там расстреливали. Всех поголовно, не разбирая, кто действительно помогал партизанам, а кто нет.

Олег, кстати, бывал на Кургальском полуострове, проехав по знаменитой «Ворошиловской дороге» – старой трассе, вымощенной необработанными обломками гранита (выглядит экзотично, но смертельно опасна для автомобильной подвески и покрышек). Среди прочих достопримечательностей посетил и расстрельный полигон. Страшное место... Аура давящая, причем в прямом смысле: трудно дышать... Хотя тела из братских могил давно забрали и перезахоронили. Металлоискатель бесполезен, постоянно звенит – земля буквально нашпигована россыпями стреляных гильз.

Причем расстреливали не только на Кургальском полигоне – где-то в здешних местах таится Урочище Смерти, о котором вообще ничего толком не известно, лишь смутные слухи бродили после войны: дескать, нацистские подручные далеко вышли за пределы тех заданий, что ставили перед ними хозяева, – и «сверхплановых» местных жителей убивали в укромном уголке, в тайне даже от немцев. Соответственно, никаких документов в архивах не сохранилось, и никто из привозимых туда пленников не выжил, не дал показания... Возможно, то была легенда. Но больно уж она хорошо сочеталась с тем, что здесь творилось в войну.

Немногие уцелевшие – вернувшиеся из эвакуации и с фронтов – восстановить деревушки не пытались, переехали в другие места. Край надолго обезлюдел.

Штандартенфюрер СС Альфонс Ребане не закончил жизнь на виселице, чего вполне заслуживал. В мае сорок пятого сдался в плен англичанам, быстро оказался на свободе, умер в Германии спустя тридцать лет после завершения войны... Власти современной Эстонии вывезли на родину прах кавалера Рыцарского креста и с почетом, под гимн и салют, перезахоронили. И чтут как национального героя и борца за независимость.

* * *

Бункер, о котором рассказывал Кудрин, Олег обнаружил лишь после обеда, да и то потому, что целенаправленно искал, – разросшиеся кусты замаскировали старое сооружение, можно пройти в пяти шагах и не заметить.

Выглядел он как провал в земле. От большей части перекрытия остались только две рельсы, некогда использованные как балки, а кирпич и лежавшая на нем земля провалились внутрь. Штатный вход Олег нигде не обнаружил (как и Кудрин до него).

Любопытное сооружение... Едва ли его соорудили саперы Вермахта или РККА, те бы использовали стандартные железобетонные конструкции, не стали бы возиться с кирпичным сводом. Еще менее вероятно, что бункер таких размеров отгрохали жители деревушки, слишком уж капитальное сооружение для хранения картошки и чего-то в том же роде. Скорее всего, тайное убежище построили партизаны. Или «лесные братья», скрывавшиеся здесь после войны.

Между прочим, остатков печей среди фундаментов Олег не видел. Решил, что в послевоенные годы, пока дорога к Терновке оставалась проезжей, дефицитный кирпич помаленьку вывезли, – но возиться, разбивая фундаменты, не стали. Теперь эта версия представлялась спорной, стройматериалы могли забрать строители бункера. Тогда он больше, чем кажется при взгляде сверху, должны быть еще помещения с уцелевшими перекрытиями.

Спускаться и проверять свою догадку Олег не стал. После Кудрина ничего интересного при беглом осмотре не обнаружится. Надо будет наведаться сюда попозже с металлоискателем, проверить, не пропустил ли чего коллега.

А пока стоило взглянуть на еще один интересный объект, расположенный поблизости. Туда тянулась едва различимая дорога-призрак, близнец той, что привела сюда. Собственно, это и было продолжение той же дороги, проложенной вдоль распадка, скрывавшего безымянный лесной ручей.

Километр неспешной ходьбы – и ручей закончился, слился с небольшой речкой Курайкой. Дальше дорога тянулась вдоль нее, в одном месте до берега было совсем близко и Олег заметил кое-что любопытное. Спустился – так и есть, прозрачные воды речонки буквально кишели рыбами, – не крупными, меньше ладони размером, но было их столько... Размеры водоема однозначно не позволяли прокормиться таким стаям. Приглядевшись, Олег понял: ельцы. Поднялись на нерест из Луги, отметали икру, но почему-то не скатились обратно в большую реку, что-то им помешало.

Наверняка рыбешки голодные, будут без промедления хватать любую подброшенную насадку, – можно считать, что проблема пополнения рациона решена. Оставив будущие обеды и ужины спокойно плавать, Олег поднялся обратно на дорогу, двинулся дальше.

Еще полкилометра – и вот она, мельница. Вернее то, что от нее уцелело, а уцелело немного. Курайку перегораживали нижние венцы деревянного остова плотины, некогда деревянно-земляной, – но вся земля из них давно была вымыта течением. Больше ничего не сохранилось: ни дома мельника, ни сараев для складирования зерна и муки.

Бревна выглядели невероятно древними, верхние позеленели от мха, но оказались крепкими, Олег проверил, – при нужде можно без опаски перейти по ним на другой берег. Под водой дерево гниет значительно медленнее, чем на воздухе, и не разрушается жучками-древоточцами.

Не было сомнений, что именно остатки плотины стали ловушкой для ельцовых стай. Весна выдалась теплая и ранняя, речки быстро переполнились талой водой, но столь же быстро она пошла на убыль. В общем, на пути к верховым нерестилищем ельцы спокойно миновали залитую водой преграду, а когда двинулись обратно, она стала непреодолимой.

Мельница – очень интересное место для раскопок. Наверняка ее владелец был зажиточным человеком, а когда в этой стране для зажиточных наступили лихие времена, мог припрятать, закопать нажитые серебряные рубли и золотые империялы...

Кудрин, разумеется, тоже это понимал. И покопался здесь, опять-таки немного, – Олег заметил вокруг пять или шесть прошлогодних ямок с кучками выброшенного грунта.

Вновь всплыла та же мысль: и отчего же Кудрин забросил такую перспективную деревушку, едва разведав?

Совсем на него не похоже.

Никаких версий, объяснявших странное поведение коллеги, Олег выстроить не успел. Услышал голоса, доносившиеся со стороны устья Курайки – до места ее впадения в Лугу оставалось всего ничего, но берег скрывали деревья. И кто-то там, под деревьями, громко перекликался.

Только этого не хватало...

* * *

Рыбаки? Вернее, браконьеры? Или охотящийся на них рыбнадзор? Больше вроде некому шляться по реке в это время... Очень многие байдарочники открывают сезон в майские праздники, но те давно закончились, наступили рабочие дни, – и любители водных походов вернулись в свои офисы.

Так размышлял Олег, шагая к Луге. Соседи, кем бы ни оказались, ему заранее не понравились. Уже настроился провести эти десять дней в полном одиночестве. Он вообще не любил шумных компаний в деле общения с природой. Практиковал лишь те виды охоты, какими можно заниматься в одиночку: постоять вечером с ружьем на вальдшнеповой тяге, пройтись зимой по запутанному следу зайца-русака... На рыбалку тоже всегда выезжал один.

На берегу были все-таки туристы-водники, десятка полтора. Но странные, таких Олегу до сих пор встречать не приходилось.

Во-первых, передвигались они не на байдарках, каноэ или каяках, – всей компанией плыли на здоровенном плоту-катамаране. Точнее, в данный момент не плыли, катамаран вытасчен на берег и перевернут, рюкзаки и какие-то пожитки в тюках выгружены.

Во-вторых, были они похожи, как инкубаторские цыплята: все в одинаковых синих комбинезонах, сверху надеты ярко-оранжевые спасательные жилеты, на головах белые пластиковые каски или шлемы, опять-таки одинаковые.

В-третьих, все до единого оказались азиатами, китайцами или корейцами. Олег не сильно разбирался в типах лиц уроженцев Азии, но отчего-то водные путешественники не показались ему узбеками или таджиками. Китайцы. Или северные корейцы. Наверное, сработал стереотип: представители этих стран всегда ходят строем и одеты одинаково.

Лагерь на низком песчаном берегу туристы разбивать по видимости не собирались, что-то у китайцев-корейцев стряслось с их плавсредством, несколько мужчин хлопотали над ним, негромко переговариваясь. Еще двое возились с каким-то аппаратом, установленным на раз-

движной треноге, – видеокамера то была, или дальномер, или что-то еще, Олег из прибрежных кустов не разглядел.

Присутствовали в коллективе и женщины, числом четыре. Эти ничем полезным не занимались, – фотографировались на фоне живописной сосны, чьи корни торчали из подмытого берега, словно лапы или щупальца неведомого чудовища. Как раз звонкие женские голоса донеслись до мельничной плотины.

Посчитав, что разглядел из укрытия достаточно, Олег решительно пошел к туристам. Надо выяснить, кто такие и зачем пожаловали. Если все-таки разобьют здесь лагерь, мало радости от их соседства.

Азиаты прекратили свои занятия, уставились, – как показалось Олегу, с подозрением. Можно их понять: в глухом безлюдном углу вылезает вдруг из кустов здоровенный мужик в камуфляже, на шее болтается ТОЗ-106, охотничье ружье напоминающий мало, больше всего смахивающий на бандитский обрез...

– Кто такие? Куда следуете? – спросил Олег самым казенным голосом, какой только смог изобразить.

Он надеялся, что примут его все-таки за егеря или иного представителя власти, а не за «лесного брата», выползшего из подземного схрона. А уважение к власти что у корейцев, что у китайцев прошито на генетическом уровне.

Азиаты залопотали по-своему, обращаясь не к Олегу, друг к другу. Затем вперед выступил один, очевидно руководитель (шлем у него единственного был не белого, а красного цвета). Заговорил на чистом и правильном русском языке. Даже на чересчур правильном: ни одной незаконченной, неполной фразы, коими изобилует живая речь. И оттого звучащие почти без акцента слова казались глубоко чуждыми, словно синтезировала их бездушная машина, напичканная всеми правилами великого и могучего.

– Здравствуйте, я руководитель туристической группы из Китайской Народной Республики. Мы следуем в город Кингисепп согласно маршрутному плану, утвержденному в областном комитете по туризму. Представьтесь и вы, пожалуйста.

Расчет, что его по умолчанию примут за представителя власти, не оправдался. Олег вынул из нагрудного кармана удостоверение, продемонстрировал пару секунд в раскрытом виде, убрал обратно.

– Инспектор госрыбохраны Званцев. Рыбной ловлей в пути следования занимаетесь?

Удостоверение было настоящим, но давало всего лишь права внештатного инспектора-общественника. Очень скудные права, честно говоря: предпринимать самостоятельно какие-то действия против нарушителей правил рыбной ловли нельзя, лишь помогать штатным инспекторам при рейдах и других мероприятиях. Хуже того, удостоверение уже год как просрочено. Обзавелся им Олег не для того, чтобы ловить браконьеров, а чтобы самому при случае не оглядываться на правила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.